Мария Чегодаева
Анна Воронова
Юлия Романова
СЕРЕБРЯНАЯ КНИГА
РОМАНОВ О ЛЮБВИ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Мария Юрьевна Чепурина
Юлия Фомина
Анна Воронова

Серебряная книга романов о любви для девочек

Серия «Большая книга романов о любви для девочек»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169553
Чепурина М., Воронова А., Фомина Ю. Серебряная книга романов о любви для девочек: Эксмо; И.; 2008
ISBN 978-5-699-30392-2

Аннотация

Мария Чепурина «В подарок – чудо!»

Если твоя единственная радость – семейная история, то веселого мало. Переезд в другой город Любу огорчил: новая школа и новый класс ей совсем не понравились. К тому же кто-то пустил слух, что она влюблена в Сашу Яблокова. И как только такое могло случиться? Ведь на самом деле Любе нравится совсем другой мальчик! Или все-таки нет?..

Анна Воронова «Медовый вечер»

Нюту считали странной. Она могла часами делать наброски в маленьком блокноте или читать. Она любила гулять одна, не боялась темноты, не болтала бесконечно о шмотках или парнях. Только один из них прочно занимал ее мысли… Но что толку от мечтаний, если Олегу может понравиться только необыкновенная девчонка? И Нюта решила измениться…

Юлия Фомина «Наряд для красотки»

Слабо вам нарядиться говорящей сосиской в тесте и разгуливать в таком виде на глазах у публики? Сашу Чехову пустяками не испугаешь, скука на каникулах гораздо страшней. От нее впору по потолку бегать – или найти работу. Вот Саша и оказалась в торговом центре «Динамит», наряженная хот-догом. Только… как же в этом дурацком костюме понравиться парню?!

Содержание

Мария Чепурина 4
Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 23
Глава 7 26
Глава 8 33
Глава 9 35
Глава 10 42
Глава 11 45
Глава 12 50
Глава 13 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Мария Чепурина, Анна Воронова, Юлия Фомина Серебряная книга романов о любви для девочек В подарок – чудо! Медовый вечер Наряд для красотки

Мария Чепурина В ПОДАРОК – ЧУДО!

Глава 1 Неправильная школа

– Все! – Люба пнула свой школьный рюкзак.

Он отлетел на другой конец комнаты, выронив из пасти несколько карандашей, ручек, синий китайский ластик и тетрадь по истории.

– Что – все? – спросила мама с кухни.

Люба вздрогнула. Она не ожидала, что оттуда так хорошо слышно. Вообще-то ее возглас был обращен к самой себе, а не к родителям. Но раз уж…

– Все! – громко крикнула Люба, чтобы на кухне поняли всю гамму рвущих ее сердце чувств.

– Иди обедать, – сказала мама.

Люба вздохнула, посочувствовав собственной персоне: в этом глупом городишке никто не в состоянии постичь ее тонкой души. Потом выдохнула, быстренько переоделась в домашний халат, вымыла руки и приплелась на кухню.

За столом были папа и мама, на столе – суп, над столом – календарь, гласящий, что сегодня – 3 сентября, суббота. Родители благополучно отдыхали, ну а Люба, как положено в этом нелепом мире, встала в семь утра и уже отсидела пять уроков.

– Что это ты там шумела? – спросил папа, погружая ложку в тарелку с супом.

Люба сделала печальное лицо, взяла краюшку хлеба – пока ее не перехватила мама, откусила, обозначив таким образом как свою собственность, и положила рядом. А потом сказала:

– Все. Не пойду я больше в эту дурацкую школу.

Родители обеспокоенно переглянулись.

– Это почему же? – спросил папа.

– Потому.

Мама взяла ножик и отрезала с другого края от буханки, она тоже любила горбушки. Отец отложил ложку.

– Ну-с, мамзель Багрянцева, извольте сообщить нам, что вас не устраивает в сем учебном заведении? – спросил он.

– Все не устраивает! – выпалила Люба. – Тупая школа, тупой класс, учителя какие-то!.. Да и вообще весь этот городишко!.. Тьфу! Папа, ну как только тебе в голову пришло это… ну… стать военным?!

Папа, должно быть, и сам не один и не два раза задавался этим вопросом. Но виду не подал. Что толку толочь воду в ступе: а зачем, а кто виноват, а вот если бы?.. Нет, речь сейчас о другом. То, что они переехали из областного центра, где прожили семь лет, в этот маленький Елизаветинск – непреложный факт, с которым следует считаться, и горевать по этому поводу – пустое дело. Командование перевело его сюда. Точка. А вот то, что Люба не хочет ходить в школу номер один, – проблема, требующая разбора и решения.

Выслушав поднадоевшие за месяц Любины стенания насчет города, его размеров, его замшелых магазинов и неутешительных особенностей центрального водоснабжения, папа спросил:

– Ну, так чем все-таки школа провинилась?

– Дурацкая, – буркнула Люба. – Я таких школ вообще не видела! И наша, двадцать пятая, и восемнадцатая, где Катька училась, и эта… как ее… та, что напротив «Промтоваров», – все были школы как школы! А эта…

– Просто она старая, – сказал папа. – И разве это не здорово? Я был там, мне очень понравилось. Металлические лестницы с узорами, высокие потолки. Красота! Ты просто не привыкла к ней.

– Ладно, – сказала Люба. – Ладно. Допустим, что не в стенах дело. Но вот учителя-то!

– Что – учителя?

– Ты видел нашу Татьяну Яковлевну?

– Ну, видел.

– И как она тебе?

– Нормальная женщина… Полная, темноволосая, в возрасте… По мне, вполне вменяема.

– Вменяема! Ну папа! Разве можно ее сравнивать с Ариной Петровной!

Папа представил Арину Петровну, классную из старой школы, – худую, беленькую, лет двадцати семи, не больше, – и признал:

– Нельзя сравнить.

Потом зачерпнул супа и добавил:

– А она что, двойки уже ставит? Или орет на учеников?

– Пока что нет, – сказала Люба.

Но, не теряя убежденности в своей правоте, поспешила заявить:

– Ладно, шут с ней, с классной. Но народец подобрался тут, скажу я вам!

– Ну, ну, – заинтересовался папа. – Любопытно, с кем ты учишься.

И Люба стала вспоминать – с кем познакомилась – своих новых товарищей по классу.

Вообще класс был ужасный. Главным образом Багрянцеву угнетало то, что здесь она оказалась первой по списку. В той, благословенной двадцать пятой школе перед Любой шли Абрамова, Андрейчик и Аюев, а тут она была нага и беззащитна пред лицом учителей, которые, как известно, любят спрашивать по алфавиту. Впрочем, про это Багрянцева решила пока что не говорить папе: довод звучал несерьезно.

Думала она пожаловаться на парней, пинавших в коридоре мячик из надутого презерватива. Постеснялась как-то выговорить это слово… Да и потом, чего уж, в старой школе и не то еще в портфелях приносили.

– Эх, пап, видел бы ты Аньку, соседку мою по парте! – начала Люба.

Анька Пархоменко в первый же день, как их посадили вместе, заявила: я, мол, неформалка. Затем достала из портфеля книжицу черного цвета и дала полистать. Там были советы по приготовлению то ли наркотиков, то ли взрывных устройств, то ли еще чего-то в этом духе. Потом неформалка все-таки призналась испуганной Любе, что по рецептам этим не готовила и в скором времени не планирует. Но книга эта – анархическая, так же как и музыка, из плеера вливаемая в проколотые в пяти местах уши Ани. Так что Багрянцевой – убогой обывательнице – не понять сложной души соседки. Они разного круга!

– Представь, папа, она вся в железяках… прямо как Кентервильское привидение!

– Ладно тебе, Люб! В той школе вроде у вас тоже были неформалы. Не Петя ли гремел цепями?

– Почему сразу Петя?! – взвилась Люба. Она почувствовала, что краснеет, как обычно, при упоминании этого имени. – Петя был не неформал, а рэпер! Понимать надо!..

– Допустим. Что с того? Ты же всегда терпимо относилась к этим… всем…

– Ну да, – сказала Люба. – Только все равно… Кто ее знает, неформалку, что у нее на уме?! А вдруг решит напакостить?

Родители задумались. Люба взяла буханку хлеба, положила на бок и отрезала себе верхушку. Потом, отдав нож маме, продолжала, чтоб ее не приняли за слишком нетерпимую и всех подозревающую личность:

– Аня – это еще ладно…

О ком бы рассказать дальше? А, о Диане! Ее лицо похоже на блин с маслом, глазки мелкие, злобные, голос писклявый, ну а повадки – вообще ужас: чуть что – бежит ябедничать Татьяне Яковлевне. Едва ли не за ручку с ней ходит. Принцесса на горошине! Впрочем… Если Люба станет сейчас жаловаться на неё родителям, сама же будет как Диана! Так не годится.

Может, рассказать про Лену Лепетюхину? Ох, эта без конца всем перемывает косточки! Маленькая, жадная, пронырливая. У самой в жизни наверняка никогда не было мальчика, но уж зато кто с кем, когда и сколько – лучше всех знает! И треплется без конца. Хотя Любе вообще-то скрывать нечего. Да и с Ленкой этой ее никто не просит общаться. А, ну ее… Стерпим!

А вот еще есть Катька, Ленкина подруга. Это просто кошмар. Грубит всем, ржет как лошадь… Высоченная, толстая! Нынче прямо на уроке геометрии как закричит: «Лен, Лен, ты русский сделала? Дай списать!» Только что-то новое появится – ей сразу надо. Всем завидует. И без конца боится, что чего-то ей не достанется. М-да, похожа на соседку там, где они жили раньше… Мама провела бок о бок с ней семь лет…

Люба доела свою корочку, добавила к ней ложку супа и задумалась.

На самом деле настроение сегодня ей испортили другие три особы.

Выйдя из дому за хлебом – уже после школы, – Люба обнаружила на лавочке возле подъезда трех своих новых одноклассниц: Алину, Алису и Алену. Смотрелись они очень ярко. Волосы Алины, Алисы и Алены были цвета «скандинавский блондин». Одеты девушки были не то чтобы красиво, но дорого. В одежде их преобладал розовый цвет: на первой были розовые брючки, на второй – розовая кофточка, ну а третья щеголяла розовой фуражечкой, розовыми ботиночками и розовой сумочкой.

На всю компанию у них имелся один модный журнал, как раз сейчас и изучавшийся.

Пожалуй, надо было пройти мимо девчонок… Но так хотелось знать, что там, в журнале…

– Ой, Багрянцева, смотрите! – крикнула Алена. – Иди сюда, Любка!

Люба приблизилась.

– Давно хотим тебя спросить, – приняла эстафету Алина. – Ты где такую кофту отхватила?

На Любе была вязаная кофточка на молнии, с весьма милой вышивкой.

– Тут таких нет, – сказала не без гордости Багрянцева. – Я ее купила там, где жила раньше.

В глазах модниц сверкнуло уважение.

– Это «Этро», – авторитетно заявила главная, Алина.

– А вот и нет, – ответила ей Люба. – Это мы с мамой на рынке купили.

Лица девушек мгновенно переменились.

– Мы-то думали…

– Да ладно вам, – сказала Люба. – Главное, что вещь хорошая.

– Ну, ну, – ехидно закивали модницы.

Алена заявила:

– Я ведь так и думала! И вам говорила! Вы посмотрите, какая у нее сумка! Любка, ты у бабушки, что ль, сумку-то стащила?

И девчонки засмеялись.

– А мне за хлебом что, с косметичкой ходить? – разозлилась Багрянцева.

Алиса раскрыла журнал на странице, где демонстрировались сумки, и показала Любе, ткнув пальцем в одну из них:

– Вот что нормальные люди носят. И мне скоро купят такую.

Возле сумки стояла цена.

– Да за такие деньги слона можно купить! – сказала Люба. – Золотая она, что ли?

– Это «Жирофле», – важно сказала Алиса.

– Кто? – переспросила Люба.

– Дед Пихто! – ответили ей.

И вновь раздался хохот.

Багрянцева хотела было поругаться, дать понять этим свистулькам, кто они есть на самом деле, но сочла, что лучше ей не опускаться до скандала. Девчонки своим видом показали, что общаться не желают. Две снова начали листать журнал, а одна, достав из сумочки цвета шоколада телефончик цвета карамели и раскрыв его нежными пальчиками со сливово-мармеладным маникюром, продолжила беседу:

– А? Ну вот, короче… Я такая…

Люба сходила за хлебом, вернулась домой и вот сидела за обедом, наблюдая, как мама режет хлеб.

– В общем, – сказала она, – мне ужасно не нравится химия. В той школе не было химии.

– Люба! – засмеялся папа. – Ты же в восьмом классе! Уверяю, что и в той школе…

– Да знаю. Все равно не нравится. И вообще… В той школе я всегда была в «А» классе. А теперь что? «В»!

Папа призадумался:

– Ну а по-моему, знаешь ли, весьма неплохо. Восьмой «вэ». Две «вэ». Как двое очков. Четыре бублика.

– «Четыре бублика»! – надувшись, повторила Люба.

Но аргументы против новой школы, как она сама увидела, были ничтожны и неубедительны.

Суп остыл, корок на хлебе не осталось, разговор закончился. Люба уткнулась в тарелку и решила после еды снова загрустить. Но тут молчавшая до сих пор мама неожиданно сказала отцу:

– Слушай! Помнишь, ты рассказывал мне историю про свою бабку? Не тот ли это город?..

– Точно!

Папа улыбнулся.

– Вот надо же, – сказал он. – Я совсем забыл. Послушай, Люба. Ты не хочешь жить в Елизаветинске, жалуешься, что нас перевели в него. А между тем твоя… м-м… двоюродная прабабушка приехала сюда по собственному желанию! И против воли родителей.

Люба повернулась к отцу.

– Как это?

– Я, собственно, мало знаю обо всем этом. Дело было давно, до революции, году, кажется, в девятьсот двенадцатом или тринадцатом. Звали ее Евлампия Андреевна Багрянцева – родная сестра твоего прадеда. Она влюбилась в некоего студента. Отец, Андрей Прокопьевич, конечно, дал отказ: нищий парень – ни кола, ни двора, ни чина, ни капитала… И вот однажды ночью Еля сбежала. Побег удался ей великолепно, судя по тому, что в доме не проснулась ни одна душа. Дед рассказывал, что утром был страшный переполох, потом поувольняли всю прислугу. Послали вдогонку людей. Да разве догонишь, полсуток прошло? Так никто больше о ней и не слышал. Разузнали только, что студента того фамилия была Рогожин. И при-ехал он из города Елизаветинска, куда, наверно, и увёз твою прабабушку.

– Значит, у нас здесь есть родственники? – спросила Люба радостно.

– Хм… Не исключено.

– Вот здорово! А как найти их?!

– Ну… – Мама заволновалась. – Я не думаю, чтобы Евлампия была счастлива с этим студентом. Девушки, которые так легкомысленно ведут себя… Хотя найти родню, конечно, было бы неплохо.

Глава 2
Жизнь налаживается

У Сережи Щипачева были новые, несомненно, импортные брюки, красный джемпер и модное украшение на шее из мелких деревянных шариков. Шея Сережи тоже выглядела симпатично. Сам он находился у доски и без особой радости показывал на карте моря, омывающие берега России.

Делал он это довольно долго и с переменным успехом, так что 8 «В» заскучал. Аня Пархоменко, соседка Любы, как обычно, стала рисовать в своей тетради девочек, одетых точно как она, и разные, должно быть неформальские, значки. «Сухих?! Да ты гонишь!» – вылетел из уст сплетницы Кати громкий шепот. На задней парте Ира Сухих, тихая и бледная, завертела головой. «Это не Сухих, – продолжал литься приглушенный голос Кати. – Мы должны выяснить, кто там был!» Алина быстро и усердно переписывала у кого-то ответы на домашнее задание по алгебре. Только два человека смотрели куда нужно: Оля Михеева, отличница, и Люба.

Любу карта не интересовала. Смотрела она на Сережу.

Не то чтобы влюблена была в него… Но она уже рассматривала такую возможность. Изучая вместо географии блондинистую голову Сережи (подстриженную романтично, аккуратно, не каким-нибудь там «ежиком»), Люба рассуждала, что могло бы быть, сбеги они куда-нибудь вдвоем. Мысль о побеге, разумеется, была чисто теоретической. Но приятной.

Как только прозвенел звонок, все мигом ринулись из класса, словно на пожар. Только Ирина Сухих на своей последней парте долго-долго собирала вещи…

Люба вылетела в коридор вместе со всеми. И вдруг поняла, что не знает, куда ей идти. По расписанию был иностранный язык, и класс делился на три группы. Где находится ее, французская, Люба была не в курсе. В замешательстве она стояла, омываемая морем первоклашек, и смотрела, как из кабинета географии выходит шаркающей походкой Ирина.

– Привет! Ты Люба, да? А какой ты язык изучаешь?

Услышав неожиданное обращение, Люба обернулась.

Перед ней была отличница Михеева – тихая, бледно-веснушчатая девочка с вечно смущенным, как будто извиняющимся лицом.

– Французский, – ответила Люба.

– Я тоже! Пошли!

И они пошли. Просторный коридор, большие окна, лестница с истершимися ступенями и чугунными перилами…

– Знаешь что? – сказала Люба. – Здорово, наверно, в такой школе учиться с первого класса.

– В какой – такой? – Оля пожала плечами.

– В старинной… Честно говоря, мне сначала не нравилось здесь. Непривычно. Всё такое… как сказать… важное, что ли? Вот так закроешь глаза и представляешь себе, как будто ты барышня из прошлого века! Как будто живёшь при царе… и встречаешься с бедным студентом!

– Придумаешь тоже, – сказала Оля.

На ее лице было удивление. Люба смутилась.

– Это я так, – поспешила добавить она. – Фантазирую. А скажи, в тысяча девятьсот двенадцатом году школа уже была?

Михеева и этой фразе удивилась.

– Не знаю.

– Жаль.

– Мы этого не проходили.

Кабинет французского, как выяснилось, был на первом этаже. Совсем маленький, он не имел даже доски. Шесть парт, поставленные в один ряд, два книжных шкафа, плакаты с видами Парижа, с алфавитом и таблицей глаголов, да магнитофон на подставке – весь интерьер.

Люба уселась на пятую парту вместе с Олей.

Урок был первый в этом учебном году, так что ничего особо сложного ребят сегодня не ждало. Учительница спрашивала, кто что помнит из седьмого класса. Сережа изучал английский. В отсутствие объекта интереса Люба занималась тем, что разглядывала пёстрые виды Парижа.

Если же смотреть прямо перед собой, то можно было увидеть трусы Изольды Тарасюк. Эта девица шла в ногу с модой, но на свой лад. Она носила брюки с заниженной талией и, сев, усердно выгибала спину, дабы ни у кого не возникало сомнений в том, что она уже взрослая. С теми же целями Иза курила – Багрянцева сама видела ее за этим делом вместе с Женькой Жигулиной, и манерами и видом смахивающей на пацана. Изольдины трусы были зеленые. Рядом с ней сидел толстый Макар, озабоченный тем, чтобы замочить всех монстров на четвертом уровне и накопить на новый плеер. Соседкой с ее достопримечательностями он не интересовался.

Посреди урока Любин взгляд упал на подставку под столом, где стояли магнитофон и кассеты. Люба обратила внимание, что какой-то странный, еле видный шов окаймлял подставку. Крышка люка?

– Оля, Оль! – зашептала соседке Багрянцева, уверенная в том, что старожилка, а тем более отличница, должна знать, в чем тут дело. – Что это такое под столом? Люк, что ль?

– Что? – не поняла Михеева.

– Я говорю – люк под столом?

– Какой еще люк? А… Не знаю… Тише, вон Нина Антоновна говорит что-то.

«Вот это выдержка! – подумала Багрянцева. – Сидит весь урок – и ни слова!»

Еще повертев головой, Люба обнаружила за спиною у себя след от камина и двух модниц. Алена с Алисой под партой читали какой-то журнал и бормотали названия: «Шанель», «Герлен», «Диор» – словом, прилежно изучали французский язык. Камин же явно вырисовывался в углу, хотя он был заделан и покрашен в тон стене.

Кто знает, может быть, его топили в тот день, когда Еля тайно обвенчалась со своим студентом?

Определенно, Любе эта школа нравилась…

Домой Багрянцева с Михеевой пошли вместе.

– Забавный у вас класс, – заговорила Люба, миновав ограду школьного двора.

– Ужасный.

– Не-е-ет. Я поначалу тоже думала ужасный, но теперь привыкла.

– Не знаю… Мне не очень-то по вкусу все эти компании: что Тарасюк с Жигулиной – куряки, что Лепетюхина с Ухиной – сплетницы, грубиянки, что эти финтифлюшки три…

– Если станем сейчас их ругать за глаза, то сами будем сплетницами, – заметила Люба.

Михеева согласилась:

– Ну ладно. Мы про них не будем.

Около минуты девочки шли, не зная, о чем говорить.

– А ты музыку какую слушаешь? – начала новую тему Багрянцева.

– Разную, – сказала Оля неуверенно.

– А кино смотришь какое?

– Тоже разное.

И еще с минуту обе помолчали.

«Уж больно непонятная она, – думала Люба. – Чего не любит – ясно, а что любит – поди догадайся. Что ж, зато помогла мне. Добрая, культурная. Ладно, мы же всего день общаемся! Может быть, со временем пойму, что у нее там, внутри».

Жили они, как выяснилось, в соседних подъездах.

– Ну надо же! – обрадовалась Оля. – И язык иностранный у нас один и тот же, и дом!

– Можно и в школу ходить вместе.

– Точно! – Оля смущенно улыбнулась. – Знаешь, мне кажется, ты не такая, как все.

– Ладно тебе…

– Да! Ты нормальная. Будешь со мной дружить?

– Буду.

Чья-то мама высунулась из окна и закричала: «Кирилл! Кири-и-илл!» Древняя старушка из последних сил поднялась на крыльцо, устало опустила на бетон две тяжелые сумки и стала искать ключ от подъезда. Сзади, во дворике, плакал какой-то малыш и тихонько скрипела коляска. Девчонки попрощались.

«Ну вот, – решила Люба. – Жизнь налаживается. Теперь и здесь у меня есть подруга, и не худшая».

Желтые и коричневые листья падали на землю, образуя по-осеннему красивый ковер.

Глава 3
Посылка из прошлого

Так прошла неделя. Люба прижилась в школе: дух старины все больше привлекал ее. В жизнь класса Люба тоже постепенно втягивалась. Выяснила, что, кроме зеленых, у Изольды Тарасюк есть белые трусы; что Алина – чей папа, кстати сказать, возглавляет прибыльную фирму и часто ездит в Москву, – тащится от группы «Фабрика», Алиса – от группы «Сливки», а Алена – от группы «Блестящие». Обнаружила она также – к большой своей печали, – что Серёжа, обладатель деревянных бус и милой шевелюры, подозрительно интересуется всей этой троицей. Неужели влюблён и у Любы нет шансов? Но если так – в которую? Пока что это оставалось тайной.

Только одна личность в классе оставалась по-прежнему непонятной для Любы. То была Михеева, с которой они каждый день ходили в школу и обратно, болтали на переменах и даже один раз вместе решали задачу со звездочкой по геометрии. Нет, во всем, что касалось дел школьных, Оля была просто ас. Одно слово – отличница. Но стоило лишь выйти из стен школы, как Оля делалась какой-то дурочкой. Ни про кино, ни про артистов, ни про моду, ни про популярные книжки Михеева ничего не знала. «Чем же она увлекается?» – не могла понять Люба.

Тот день, когда отношения между ними выяснились, оказался очень радостным и одновременно очень грустным.

Начнем с того, что с самого утра в классе творилось какое-то безобразие. Аня пришла в юбке наизнанку. «Ты это что? – засмеялись девчонки. – С закрытыми глазами одевалась?» Любина соседка с гордостью глянула сквозь них, тряхнула афрокосичками, перехваченными косынкой с надписью «Нирвана», и ответила: «Я неформалка! Что хочу, то и делаю!»

Потом прошел слух, что сегодня будет проверочная по истории. Все переполошились, кинулись читать учебник. Лена нашла где-то ответы на тест, который был в «А» классе. Поделилась этими ответами великая сплетница только со свой подругой Катей, да еще с испуганной Алисой, обещавшей завтра принести подборку номеров «Гламур». Счастливицы принялись переписывать ответы и на всякий случай зубрить их. «1-ж, 2-а, 3-г», – бормотали они себе под нос. «Не надо проверочной!» – завопил класс, как только прозвенел звонок и вошла учительница. «Да вы что! – удивилась та. – Я и не собиралась!»

К концу дня то ли от обиды на зряшное беспокойство, то ли от радости, что проверочной не было, то ли просто от усталости класс впал в какую-то дикость. Едва войдя в кабинет биологии – ужас, седьмой урок! – парни сразу же начали кидаться тряпками друг в друга. Желания беситься добавляло то, что биологичка, Анна Павловна, была совсем молоденькая, робкая и ничуть не страшная. Женька Жигулина вывела мелом на всю доску слово «Щетка». Так дразнили Олега Коровина за жесткие, торчащие вверх волосы. Изольда Тарасюк, изящным жестом отведя в сторону свои длинные черные пряди и с трудом присев в узких джинсах, подписала под «Щеткой» ругательство. Олег пришел из столовой, разозлился, быстро выяснил, кто его обидчицы, и с грязной тряпкой погнался за ними. Те бросились спасаться от него: Иза – на шпильках, азартно визжа, а Женя – в кедах, выкрикивая разные неприличные слова. В пылу погони Коровин запрыгал по партам и опрокинул два стола и три стула. Тут прозвенел звонок, пришла учительница и стала возмущаться всем их безобразием. Ни на кого это, конечно, не подействовало, хотя парты подняли, расселись. Через пять минут Женьке и Изольде стало скучно, и они начали проситься выйти из класса. Учительница отпустила только Изу, и та вышла, напоказ держа в руке пачку сигарет. «Обезьяна!» – крикнул ей вслед с места Коровин. Анна Павловна, разумеется, сделала ему замечание, но тот возразил:

«Изольда первая!» Класс зашумел. В довершение всего Женька Жигулина («Ох, – подумала Люба, – и почему она не родилась парнем?») подняла руку и спросила:

– Анна Павловна, а вы это… давно с этим… с которым вчера в парке были… гуляете?

Биологичка разозлилась, покраснела, пошла и привела завуча. Тут уж, конечно же, всем влетело.

После всех этих событий у Любы и Оли еще остались силы, чтоб пойти в библиотеку. Им задали по литературе прочитать две повести.

– Нам, пожалуйста, Карамзина, – сказала Люба. – Две книги.

Библиотекарша исчезла на минуту в своем книжном лабиринте и вернулась с маленьким и странным на вид томом.

– Девочки, вы поздно пришли, – сказала она. – Карамзина всего уже разобрали. Есть только вот эта книжка. Ей больше ста лет, она очень ценная. Но, думаю, тебе, Оля, ее доверить можно. Читайте. Только здесь. Домой ее уносить нельзя, это раритет.

Девочки сели за стол.

Книга была в красном кожаном переплете, с остатками золотой краски кое-где и тонкой шелковой закладочкой, когда-то кем-то оставленной на странице 128. «Н. М. Карамзинъ. Сочиненія» – значилось на обложке.

– Вот это да, Оль! Представляешь, какая она старая? Твоей бабушки еще не было, а ее, наверное, уже кто-то читал!

– Ладно тебе. Ищи, где там «Бедная Лиза». Мне сегодня еще геометрию доделывать надо.

Но Любе страшно хотелось сперва рассмотреть книгу. Такие гладкие, таинственные, пожелтевшие страницы… Даже запах необычный! На титульном листе было написано: «Товарищество Печатня С.П. Яковлева. Москва. 1906 г.»

– Смотри, смотри! – шептала Люба.

«А ведь в этом году Еле, вероятно, было столько же лет, как и мне сейчас!» – подумалось вдруг.

– Ну, давай читать! – недовольным голосом проговорила Оля. – Нам читать задали, а не год издания рассматривать.

Любу почему-то покоробило от этих слов.

– Оля, ну разве не здорово рассматривать такую старую вещь?!

Михеева, как всегда, смутилась, но потом ответила:

– Старые вещи по истории проходят. А у нас литература завтра.

От таких слов рот Багрянцевой раскрылся сам собой. Пока оттуда ничего не вылетело, Оля вставила:

– Нужно делать то, что задают. А не глупостями заниматься. Вот.

Тут уж Люба не смогла скрыть возмущения:

– Глупостями?! Мы же прикасаемся к живому прошлому! Ты ведь сама, Оля, недавно говорила у доски про то, зачем нужно изучать историю!

– Отвечала. Я и изучаю. У меня по ней «пять». Между прочим, – довольно сказала Михеева, – я уже параграф прочитала тот, который нам на среду задали.

– Но разве история только в параграфах?!

– Я и доклад делала.

– Оля! Эта книга – настоящая посылка из прошлого! Ты прикасаешься к ней и уже как будто улетаешь на сто лет назад!

– Улетаешь, – буркнула Михеева. – Книга – это литература. А по литературе нам задали…

– Ну и зануда же ты, Оля! – не выдержала Багрянцева. – Правильно про тебя в классе говорят…

– Девочки, в чем дело, что за шум? – вмешалась библиотекарша. – Вы же в читальном зале!

Люба хотела сказать «извините», но увидела, как ее подруга, надувшись, собирает вещи.

– Ты куда? – спросила она растерянно.

– Домой, вот куда! Зайду лучше к Диане, у нее возьму этого Карамзина!

– К Диане?..

– Да! Она, хоть и не обещала со мной дружить, зато гадостей всяких не говорит! И вообще… А ты сиди тут со своей «посылкой», обнимайся, картинки рассматривай!

И, провожаемая удивленно-осуждающими взорами, Михеева ушла, хлопнув ничем не провинившейся библиотечной дверью.

«Ну вот!» – подумала Багрянцева. Оля обиделась на нее, но Люба тоже была неприятно удивлена. Неужто Ольге действительно ни капельки не интересно посмотреть старую книгу? Ладно бы Женька Жигулина… Когда на той неделе, в пятницу, их повели в музей, курильщица и хулиганка, вволю назевавшись, пока экскурсовод рассказывал о старинных платьях, вдруг поинтересовалась: «А трусы под юбку в этом самом… веке… надевали?» Тут, конечно, все расхохотались, особенно парни. Экскурсовод, наверно, дал себе зарок не иметь дела с восьмиклассниками. Но Михеева! Она ведь так прилежно, деловито изучала все, что выставлено в витринах!

В голове Любы зачем-то завертелись слова песенки: «Тили-тили, трали-вали! Это мы не проходили, это нам не задавали!» Получается, что Оле интересно только то, что задают в школе, за что можно получить оценку.

От этих рассуждений Любе сделалось совсем скучно. Наслаждаться запахом старых страниц расхотелось. «Ну ее, эту книгу! Весь день она мне испортила. Сейчас прочту быстренько то, что надо, и отчаливаю. Так… Где тут содержание?» Люба глянула в конец. Нет. В начало – тоже нет. «Что ж это такое? Книга без содержания?» – раздраженно спросила она про себя и принялась нервно листать раритет.

Потом случайно раскрыла форзац и увидела…

На двух скрещенных знаменах лежала раскрытая книга. На ее страницах были буквы: «Р» и «О», перечеркнутая горизонтальной чертой. Сверху, из-за книги, между флагами выглядывало острие штыка. Внизу же, там, где неведомый художник изобразил два древка и едва различимый приклад, лежало что-то наподобие мяча, какой-то шарик. Но нет, не эта странная картинка заставила Любу раскрыть рот от удивления и восторга! Возле мяча, синим цветом, как и весь оттиск, была выполнена надпись: «Изъ книгъ И. П. Рогожина».

Рогожин! Сколько раз эту фамилию Багрянцева произносила вслух и про себя в течение последних дней! (Даже чаще, чем фамилию Сережи, так бездарно взявшего курс на Алину и ее подруг). Именно Рогожиными должны логично зваться ее родственники, которых так хотелось бы найти здесь. И вот… А что, если эта книга того самого студента, в которого влюбилась Евлампия?

Конечно, рассчитывать на это вряд ли стоило. А если, к примеру, эта книга его брата, отца, дяди? Но как же книга оказалась здесь, в школьной библиотеке?

– Даже не знаю, – ответила библиотекарша на вопрос Любы. Видно, раньше ей не попадались столь интересующиеся персоны. – Может, подарил кто-нибудь. Или с тех, царских времен осталась: школа-то ведь старая. А кто такой Рогожин – не знаю…

На другой день по литературе спрашивали не особенно строго. Вызвали Алену.

– Бедная Лиза была девушка, – начала она рассказ. – И потом как бы влюбилась…

Люба снова вспомнила свою прабабушку. Можно сказать, похожие истории. Только хотелось верить, что у Евлампии все кончилось не так печально, как у Лизы…

Родители заинтересовались тем, что Люба обнаружила в книге. Правда, они совсем не верили в то, что это окажется тот самый Рогожин. Мама предположила, что это, вероятно, ложный след: вдруг Люба увлечется, а потом горько разочаруется? Но Багрянцева твердо решила приняться за поиски.

– …и как бы утопилась, – завершила Алена.

После урока Люба пошла в школьный музей.

Да, в 1-й елизаветинской школе имелся собственный музей. В этом, в общем-то, не было ничего необычного: в 25-й, там, где Люба обучалась раньше, музей тоже был. Он посвящался Великой Отечественной войне 1941– 1945 гг. Там хранились письма с фронта, старая солдатская форма, фотографии, муляж пушки… Экспонатов насчитывалось мало, состояние их оставляло желать лучшего… Здесь же все было гораздо интереснее. Музей 1-й школы посвящался ей самой, ее истории. Со стен смотрели фотографии гимназистов в строгой форме с фуражками; под стеклом лежали пожелтевшие журналы с оценками по закону Божию и латыни, перья, чернильницы, песочницы для посыпания непросохших чернил…

Впрочем, посетители в этом музее бывали редко. Заведующая музеем – Инга Альбертовна, дородная, не молодая, но и не старая еще женщина, с вечной улыбкой и приятными восточными чертами, – держала его почти всегда закрытым. Она давно свыклась с тем, что в музее бывают лишь гости из РОНО да иногда родители будущих первоклашек.

Люба уже в третий раз пыталась попасть в музей: первый раз – еще вчера сразу после прочтения книги, второй – сегодня утром. На ее стук никто не отзывался. «Наверно, опять пусто», – с грустью подумала она.

В этот момент за дверью послышались шаги и на пороге появилась Инга Альбертовна.

– Я… музей посмотреть, – смущенно сказала Люба.

– Посмотреть? А, ты, наверно, новенькая? Конечно же, конечно, заходи! Ох, как давно ребята тут не появлялись…

Багрянцева вошла вслед за хранительницей, обрадованной и удивленной. Она смотрела на лица старых гимназистов, их тетради, их письменные принадлежности, их костюмы и даже их – точней уж, их учителей – орудия «воспитания» в виде розог. Музей был очень здорово отделан: и стены, и пол обиты темным материалом, создающим таинственную обстановку, чтобы посетитель сразу улетел мыслями на сто лет назад. Посередине комнаты стол с несколькими стульями и скатертью под цвет интерьера. Кипа бумаг на нем намекала на то, что Инга Альбертовна только что занималась изучением каких-то документов.

…С полчаса, наверно, Люба разглядывала то, что лежало в витринах. Потом подошла к заведующей.

– Ну, как? – спросила весело хранительница, сидевшая за своим столом.

– Здорово. А можно я вам, Инга Альбертовна, вопрос задать, касающийся истории школы?

– Что ж… Отвечу, если смогу.

– Как в библиотеке оказалась книга некоего Рогожина? И кто это вообще такой был?

Инга Альбертовна крепко призадумалась.

– Ну и вопрос! Я, честно, ожидала что-нибудь попроще! А зачем тебе?

Люба кратко сказала, что это, возможно, ее родственник.

– Что ж, интересно. Знаешь, мне кажется, я встречала где-то в наших архивах такую фамилию. Давай так: приходи через неделю. Если я найду что-нибудь про него, то скажу тебе.

Глава 4
Поиски себя

– Не подходит.

– Люба! Это уже пятая куртка, которую ты примеряешь! Чем она тебе не нравится?

– Не нравится – и все.

– Да вы, девушка, в зеркало на себя посмотрите! Таких курток, как у меня, здесь ни у кого нет, точно говорю. Сама позавчера партию привезла!

Багрянцева стояла посредине рыночной палатки в ярко-рыжей куртке с капюшоном и отстёгивающейся (продавщица уже седьмой раз повторяла этот факт) подкладкой. По рынку сновали люди в поисках зимней одежды, пластмассовых тазов, резиновых перчаток, дешёвых помад, китайских игрушек, кроссовок с лейблом «Адидас» и прочих нужных для земного бытия вещей. Тут же парни с криком «Посторонись!» катили тележки с разным грузом и передвижные вешалки. То у той, то у другой палатки появлялись женщины, предлагающие пирожки с картошкой.

У Любы было преплохое настроение.

– Посмотри же! – убеждала ее мама. – Ведь это замечательная куртка!

– Вот именно, – вторила торговка. – Тем более по такой цене, как у меня…

– Я не хочу, – сказала Люба.

Она сняла куртку и вместе с родителями вышла из палатки.

– Ну, может, объяснишь, в чем дело? – спросил папа. – Эдак мы ничего не купим, и тебе до декабря придется ходить в летней одежде.

«Попытаться или нет объяснить им? Эх, ладно, попробую!» – решила Люба.

– В таких у нас никто не ходит, понимаете?

Ну, это было, конечно, сильно сказано – никто. В подобной куртке, годившейся, на взгляд Любы, только для сельскохозяйственных работ – в комплект к резиновым сапогам, – вполне могла явиться замарашка вроде Иры Сухих. Ну, может, еще Аня Пархоменко: им, неформалам, чем хуже вырядиться, тем лучше. Если бы Люба донашивала подобную вещицу, скажем, с прошлого года – ну, допустим, денег не было на новую, – тогда ладно. Но покупать сейчас! Когда Алиса носит белую пушистенькую курточку, нежную, как котенок, и совсем не жаркую! Когда у Алены – розовая, вся в стразах, а у третьей подружки – восхитительная кремовая, схожая на ощупь с шелком куртка!

Если Люба явится в школу в этой турецкой ерунде, ее тут же поднимут на смех. Тогда уж про Сережу точно можно позабыть! Ведь как порой ни глупо смотрелись три модницы, как ни коряво они выражались, как ни хватали тройки пачками – именно одной из них, Алисе, Щипачев в анкете на вопрос «С кем ты хочешь дружить?» написал ответ: «С тобой».

– Ну и что, что никто не носит. Будешь первая. Люба, это ведь так здорово – отличаться от других! – сказал папа.

Багрянцева не раз думала на эту тему. Вот, все говорят – отличайся от других! Отовсюду слышно: быть личностью, быть не как все, быть особенным – это хорошо! Только что-то не видно, чтоб сильно любили тех, кто в самом деле отличается. Все норовят сбиться в кучу, в компанию. Ясное дело – так веселее, да и защититься можно, если кто обидит! Вот, например, Тарасюк и Жигулина. Вместе курят, вместе двойки получают, вместе в парней тряпками кидаются, плохие слова на стенках пишут и всякие гадости болтают. Или Ленка Лепетюхина и Катька Ухина – их водой не разлить! На каждой перемене обсуждают, кто в кого влюбился и где что купить можно. Пару раз Люба уже слышала, как они шептались про нее: мол, странная какая, по музеям ходит, книжки изучает, губы ни разу не красила, и

телефон у нее с простым дисплеем, черно-белым. Багрянцевой было плевать, с каким дисплеем телефон, лишь бы он звонил… но ведь обидно слышать все это и чувствовать, что тебя считают хуже других!

С Олей они раздружились. Хотя Люба попросила прощения за то, что назвала Михееву занудой, и та сказала, что прощает. Но отличница разочаровывала. Она без конца всего боялась: того, что не успеет выучить уроки, того, что получит «четыре», того, что ее спросят, того, что ее не спросят… Увлечений у Оли так и не нашлось. Она считала, что увлекаться не следует, а следует учиться.

Так что у всех была компания, даже у этой самой Оли, снова начавшей ходить вместе с подлизой Дианой – верно, сошлись на том, что обе на хорошем счету у педагогов. Аня Пархоменко гуляла с неформалами из девятых классов и других школ. Да и обществом Жигулиной она время от времени не брезговала. «Женька тоже неформалка, только скрытая, – сказала она Любе. – Своим хулиганством она как бы сражается с буржуазными условностями».

В классе была только одна девочка, на самом деле отличавшаяся ото всех. Она не следовала моде, не имела хороших вещей, не разносила сплетен, не красилась, даже, наверное, не умывалась. Ира Сухих. Все уроки, все перемены она одиноко просиживала на задней парте, наедине со своими прыщами и мыслями. Ну, если они, эти мысли, были. Говорила она еле слышно, училась на тройки. Мальчики ее не задирали. Даже классная, Татьяна Яковлевна, порой забывала, что у нее учится эта девочка.

Так вот, Люба не хотела быть такой!

Уж лучше быть розово-карамельной девочкой, чем прозябать всю жизнь с такой вот «индивидуальностью» вдали от внимания парней!

Так что Багрянцева сказала:

– Я хочу кремовую куртку с мехом, со стразами, с вышивкой.

– Как у «трех А»? – догадалась мама. – Я как-то их встретила на улице. Послушала, как они говорят. Это не очень вежливо, но, по-моему, они… жуткие дурочки!

– Дурочки не дурочки, а парней заставили за собой бегать! – парировала Люба. – А вот умная Михеева одна ходит.

Папа хмыкнул. Наверно, не знал, что ответить.

– Но ведь у них богатые родители. Ты, Люб, отлично понимаешь, что у нас нет средств выписывать тебе наряды от Диора.

В этот раз уже Люба не нашла что возразить.

Они шли по рынку, поглядывали по сторонам и так и не могли найти общего решения. Куртки казались то слишком скучными, то сшитыми из чересчур грубой ткани, то по моде пятилетней давности. Между тем настоящая осень с ее холодами, дождем и слякотью уже напоминала о себе. Носить старье у Любы не было желания. В универмаге продавали, в общем, то же, что и на рынке. А модных бутиков в Елизаветинске все равно не водилось. Так что…

– Выбирай сама, – сказала мама. – Ничего тебе указывать не буду.

Первый раз в жизни Багрянцева почувствовала сладкую свободу. Но сразу же за ней пришло чувство ответственности: вдруг не то выберу? Тут уж некого винить будет, что плохо одета.

Часам к двум уставшая семья Багрянцевых, обошедшая не менее трех раз весь городской рынок, остановилась у палатки, где продавалась довольно милая, но чересчур простецкая девчоночья куртка бежевого цвета. Любе она пришлась впору. Материал приятный. Но Люба явно не могла принять решения.

– Берите, девушка, берите! Вам так идет! – завела продавщица свою обычную песню.

– Вижу, что идет, – сказала Люба. – Только больно уж она скучная. Нет ни стразов, ни вышивки…

– Так сами сделайте! – предложила продавщица.

Любе с мамой эта мысль понравилась.

Недалеко от выхода с рынка, отягощенная приятным весом обновок Багрянцева с тоской глянула на лоток с дешевой косметикой. Затем – с той же тоской – на маму. Да, половина их девчонок уже красились. Как раз та самая половина, что пользовалась успехом у ребят!..

– Ну, уж нет, – сказала мама. – Рано. И потом, эти помады могут быть плохого качества.

Что ж, по крайней мере, Люба будет носить ту куртку, что сама выбрала.

Глава 5
Соціалистъ и бунтовщикъ

– А, это ты, Люба ! Заходи. Я отыскала кое-что занятное.

Багрянцева вошла в музей и прикрыла дверь. Ее охватило сладостное нетерпение.

– Садись за стол, – пригласила заведующая. – Видишь ли, – продолжила она, присаживаясь рядом, – фамилия Рогожина казалась мне знакомой. Но откуда? Просмотрела личные дела начала века – нет. В журналах тоже нет. Хотя журналов этих раз, два – и обчелся. Может, думаю, и у меня эта фамилия зацепилась оттого, что как-то напала на его экслибрис в книге? А потом вспомнила. Мне год назад попался один документ. Очень любопытный. Вот, глянь.

Инга Альбертовна открыла папку. Там лежал желтый, ветхий лист бумаги.

– Читай так, не вытаскивай. Видишь, он рассыпается.

Люба склонилась над листом. Чернила расплылись, но почерк автора был очень аккуратный – так даже Михеевой не написать. Линии букв, идущие вверх, выглядели тонкими, как волосы; те, что вниз, – напротив, весьма основательными. В первый момент даже показалось, что это не русские буквы. Нет, они, только невероятно изящные и разукрашенные всякими завитками. Конечно, пара-тройка букв, вышедших из употребления. Но, в общем, все читалось:

«Г-ну Іорданскому, директору мужской гимназіи, донесеніе.

Довожу до Вашего сведенія, что г-нъ Рогожинъ, учитель русскаго языка, имеющий жительство в стенахъ гимназіи совместно со своею женою Евлампіею Андреевною, есть соціалистъ и бунтовщикъ, дерзающій покушаться на порядокъ и на волю Государя. Въ своей комнате онъ хранитъ запрещенныя книги и смущаетъ юные умы своеею революціонною заразою. Посему прошу не оставить сего донесенія без вниманія.

С почтеніем,

ученикъ 7-го класса I вановъ

26-го февраля м-ца 1917 г.».

– Это же надо! – возмутилась Люба. – В седьмом классе, а уже доносчик!

– Ну вообще-то, – улыбнулась заведующая, – тогдашний седьмой класс – это не нынешний. По тем временам семиклассник – это выпускник. Лет шестнадцати-семнадцати.

Багрянцевой не стало легче от этого. Что же теперь, она только-только напала на след своих родственников, а выясняется, что они стали жертвой доноса? Значит, их посадили в тюрьму? Или даже казнили?..

– Не думаю, – вновь улыбнулась Инга Альбертовна. – Посмотри на дату.

– Двадцать шестого февраля семнадцатого года. Ну и что?

– Неужели ты не знаешь, что тогда случилось?

– Хм… Была революция. Но ведь это в октябре. За это время… восемь месяцев… Рогожина с женой могли повесить!

– Ошибаешься. В октябре к власти пришли большевики. Революция же началась раньше.

– Когда?

– Двадцать седьмого февраля.

Тут Люба чуть не рассмеялась:

– Да, этот Иванов успел вовремя со своим доносом! Еще бы день!..

– Вот-вот! Так что не бойся. Вряд ли с ними что-нибудь случилось. Если и арестовали – все равно второго марта царь отрекся от престола. Некого стало свергать.

Любе сделалось весело. Вот, наверно, этот Иванов сдулся, когда узнал, что революция! Да ему и самому небось влетело от новой власти! Но главное – Рогожин, тот загадочный «Ф.П.», владелец книги, был тем самым «героем», что увез Евлампию! И он оказался честным человеком! После побега Евлампии прошло лет пять, а она все так же оставалась с ним и, судя по доносу, на самых законных основаниях!

– Значит, книга из его библиотеки перешла школе, так как он здесь работал? Может быть, Рогожин подарил ее? Или завещал?

– Или просто оставил, когда уходил. После революции он тут точно уже не работал. Нет в списках.

Люба призадумалась.

– А почему они жили «в стенах гимназии»? Нищие, что ли?

– В то время это была довольно обычная практика. В музее есть несколько фотографий с изображением преподавателей в их комнатах. Жаль, они не подписаны. А наш Рогожин, думаю, был не бедней и не богаче всех других учителей гимназии.

– А как они вообще жили, учителя, в то время? – поинтересовалась Люба.

– Ох, – вздохнула заведующая. – Ну как, как… Когда они у нас хорошо жили? Не умирали с голоду – и то ладно.

«С милым рай и в шалаше, – сказала себе Люба. – Главное, что он ее не бросил». А вслух спросила:

– Где же они жили? В какой комнате? А может, как раз здесь, а, Инга Альбертовна?

– Ну уж чего не знаю, того не знаю.

Кто-то постучал в дверь. Ох, не полиция ли это? Придерживая длинную юбку, Багрянцева помчалась открывать.

На пороге стоял взъерошенный парень, снявший фуражку и нервно разглаживающий свои взмокшие волосы. Строгий мундир, золотистые пуговицы… «Гимназист, – догадалась Люба. – Наверно, семиклассник».

– Добрый день, товарищ! – услышала она за спиной голос.

Обернулась.

Посреди бедной комнаты с печкой, столом, покрытым белой скатертью, и с изящными, но далеко не новыми «венскими» стульями стоял Саша Яблоков, Дианин сосед по парте. На нем были сюртук, серые брюки, жилетка – все скромно, но аккуратно, вылитый учитель.

– Я пришел вернуть вам вашу книгу, – сказал гимназист.

– Прочли?

Гимназист протянул томик Карамзина в красном кожаном переплете.

– Милая, сделай нам чаю, – сказал Саша.

От слова «милая» у Любы покраснели уши. Вдруг до нее дошло: это вовсе никакой не Яблоков, а Ф.П. Рогожин, учитель словесности. А она – никакая не Люба, а его жена Евлампия!

– Присаживайтесь, Иванов, – сказал учитель.

Тут Любу как током ударило.

– Не слушай его, он предатель, предатель, он на тебя донос написал!

Рогожин с Ивановым повернулись к ней и удивленно уставились на нее.

– Донос написал! Директору школы! – кричала Багрянцева.

На их лицах читалось, что они не верят.

Люба закричала громче, замахала руками…

Проснулась.

И сразу же вспомнила, что на сегодня намечены два визита к предполагаемым родственникам.

Когда Люба рассказала дома о своем открытии, родители воодушевились. «Кто бы мог подумать, что у нас тут такой следопыт!» – восклицал папа. Решили, что определенно стоит поискать родственников. За несколько дней папа сумел выяснить в милиции, что в городе имеются несколько человек с такой фамилией. Во-первых, это семья – муж, жена и дети. По телефону они сообщили, что приехали сюда недавно, никакой родни не ищут и вообще попросили их не беспокоить. Во-вторых – одинокий старик, который сразу изъявил желание пообщаться. В-третьих – женщина средних лет; ее также удалось уговорить побеседовать.

Люба встала, пошла умываться. «Надо же было присниться такому!» – думала она, ворочая во рту щеткой.

Потом вернулась к себе в комнату и склонилась над столом. На нем лежала кипа старых фотографий. Прабабушки, прадедушки, их дяди, тети, девери, свояченицы – Люба не знала даже, что дома есть столько сокровищ. Мама вчера разыскала их среди вещей, еще не распакованных после приезда.

Одна из фотографий волновала Любу больше всех. Девушка лет семнадцати в длинной, невероятно узкой юбке, белой блузке с высоким воротом и рукавами, очень пышными у плеч, но обтягивающими запястья. Лицо у девушки было чуть смущенным, черты его – простыми, но приятными, и, что важней всего, похожими на Любины. В руках она держала сложенный зонт-трость. То, что перед ней кокетка, Люба поняла сразу: шляпа у Евлампии – это, разумеется, была она, – наверно, достигала метра в диаметре.

Надпись внизу: «Ателье А.А. Агеева. 1910 годъ».

Вероятно, тогда Евлампия еще не знала своего суженого. Жена школьного учителя вряд ли могла себе позволить носить такие шляпы…

«Надо будет показать этот портрет Инге Альбертовне, – подумала Багрянцева. – А вдруг в музее что-нибудь похожее отыщется!»

Вчера она весь вечер изучала фотокарточки. Неудивительно поэтому увидеть такой сон. Но только как там оказался Саша?.. Да еще в роли ее мужа!

Лучше, пожалуй, сохранить это в секрете от всех.

К Рогожину Багрянцевы явились в полдень. Старик – лет восьмидесяти пяти на вид – был страшно рад. Судя по всему, никто его не навещал. Шаркая ногами, дед перетащил из кухни чайник, сервиз, баночку с вареньем – все несмотря на протесты родителей и их предложение помочь. Нет, они гости, и он все будет делать сам!

Наконец хозяин кончил хлопоты и все сели за стол.

– Как же я рад, как я рад! Думал, уж теперь до смерти один буду! А тут вдруг родня!

Багрянцевы смутились.

– Ну, мы пока не выяснили, родственники мы или нет, – сказал папа.

– Да как нет? Родственники! – отвечал старик.

Видно, ему так хотелось этого, что вариант с однофамильцами он просто не рассматривал.

– Мы, собственно, ищем сведения о конкретных людях, – продолжила мама. – Во-первых, это учитель мужской гимназии. Имени его не знаем, есть только инициалы – Ф.П. И фамилия, конечно.

– Это, значит, мой отец, – сказал старик.

Люба и родители выпучили глаза на него. Все так просто? Перед ними сын Евлампии?

– А как звали вашего отца? – с надеждой спросил папа.

– Денис Павлинович! А я Степан Денисович! – гордо сказал старик.

На лицах Багрянцевых вмиг изобразилось разочарование.

– Денис? Но нам-то нужен Федор… или Феофан… или Федот.

Старик задумался.

– Вы ж говорили, что учитель. Вот мой папа и был учитель. Только не мужской гимназии, а женской. Географии учил.

– Это не он, – грустно сказала Люба.

– Да, – согласились родители.

– Ну почему ж не он? – Дед не желал прощаться с мыслью, что гости – его родные. – Почему сразу не он… Может, и он! Может, это вы там что-то путаете.

Стали выяснять другие частности. Мать старика звали отнюдь не Евлампией. Впрочем, он сумел парировать этот довод тем, что она была второй женой отца. Как звали первую, старик не помнил. Может быть, и так. Но она умерла в девятнадцатом.

Когда чай выпили, старик налил еще. Он стал рассказывать о своей жизни, о жене, о детях, что уехали в Москву и редко пишут; о войне, как бил немцев под Курском; показывал часы – мол, подарили шестьдесят лет назад, а они идут, идут. Видно, общаться деду было совсем не с кем. «Кот был, Васька, да помер в том году. Я кильку покупал ему. Балтийская – дрянная. Атлантическая – лучше. И себе, бывало, жарил. Так вот…»

Уходя и обещая прийти еще, Люба увидела в прихожей календарь с лицом очередного кандидата в депутаты. «Защитим пенсионеров!» – гласил лозунг на нем, а лицо кандидата было честное-честное…

Второй визит оказался не многим удачней. В три часа Багрянцевы пришли к даме лет сорока, не менее заботливой, чем предыдущий хозяин, но, к счастью, не такой болтливой. Поговорив минут двадцать, Люба с родителями и тут поняли, что пришли зря. Двоюродный дед госпожи Рогожиной хоть и звался Федором, но отчество носил Аркадьевич. Хозяйка знала про него немного: только то, что родился он в 1891 году, что Аркадий Иванович – его отец и ее прадед – служил в конторе писарем и умер до рождения сына; жене Аркадия Ивановича, Аглае Серафимовне, пришлось идти в прислуги. Узнали Багрянцевы также, что в восемнадцатом году Федор Аркадьевич уехал из страны, подальше от большевиков. Словом, на социалиста из доноса Иванова он не походил.

– Что ж, – сказал Любин папа. – Значит, не судьба нам родней оказаться.

Женщина смущенно улыбнулась:

– Не судьба.

Они допили чай и распрощались.

– Не грусти, – говорил папа по дороге. – Жизнь устроена так, что мы не всегда можем получить то, что хотели бы.

Люба печально кивнула.

Еще утром Багрянцева была полна воодушевления по поводу своих открытий, уже сделанных и тех, что предстояли. А теперь след оборвался. Судя по всему, расследование зашло в тупик. Может, Рогожиных все же успели арестовать и казнили в той революционной неразберихе. А может, они просто тихо умерли, не оставив потомства. Или уехали в Москву, как дети Степана Денисовича… С чего вообще было думать, что в этой дыре Люба найдет сестер и братьев?

Глава 6
Преимущества сегодняшнего дня

Наступил октябрь, и школьное учение из праздничного, важного, каким оно казалось в сентябре, стало будничным и скучным. В точности таким же, как погода. Шум дождя клонил всех в сон. Точно такое же действие оказывал на учеников русак – учитель русского языка Сергей Сергеевич Серкин, замещавший их постоянную учительницу. Взгляд у русака был сонный и унылый, а желтые зубищи делали учителя действительно похожим на большого зайца. Бесцветным голосом Сергей Сергеич бубнил правила, а потом заставлял всех придумывать к ним примеры. Спрашивал он исключительно по алфавиту, так что Люба, ответив первой, благополучно расслабилась. Иза, Женя и подобные им личности пока что опасались нового учителя, поэтому решили не шуметь. Они с превеликой печалью смотрели на окна, надеясь, что ливень утихнет к звонку и появится возможность смыться из школы. Но дождь продолжался назло всем прогульщикам.

Русак между тем рассказывал про вводные слова. Продиктовав несколько предложений, он велел вставить в каждое из них по вводному слову. Фразы были скучные и легкие, по смыслу всюду годилось лишь одно, самое очевидное, вводное слово. Соригинальничал только Саша Яблоков. В предложение «Мы шли уже больше часу, а деревни до сих пор не было видно», он вставил слово «к счастью»: «Мы шли уже больше часу, а деревни, к счастью, до сих пор не было видно».

– Почему «к счастью»? – удивился русак.

– А почему бы и нет? – парировал Саша. – Может, они не хотят туда прийти!

Русаку было нечего ответить, у него, как у робота, сбилась программа. К тому же алфавит закончился, и спрашивать было больше некого. Пришлось русаку сворачивать свой занудный урок.

«Интересно, у Рогожина уроки были столь же скучными? – подумала Багрянцева, идя по коридору к кабинету биологии. – Да нет, не может быть! Евлампия в зануду не влюбилась бы! Хотя…»

Недавно Люба прочитала, что в гимназиях в былые времена изучали латынь и древнегреческий язык. Науки преподавались сухо и формально, так, чтобы гимназист не очень увлекался физикой и химией. Порой учителя, совсем не разъясняя материала, заставляли лишь зубрить его. Считалось, что чем активней гимназисты будут думать, рассуждать и интересоваться разными науками, тем большую опасность станут представлять для государства: вдруг социализмом увлекутся! Ну и наказания, конечно, применялись в старой школе не такие, как сегодня. Словом, несмотря на то, что Люба так отчаянно мечтала оказаться в начале прошлого века, кое-что она, конечно, предпочла бы сохранить из современности…

«Учил ли Рогожин занудно, как все остальные, чтоб не привлекать к себе внимания? Или все-таки осмеливался преподавать так, чтобы ребята не только повторяли термины и факты, но и думать умели?» – думала Багрянцева, когда Инга Альбертовна окликнула её, возникнув на пороге своего музея.

– Люба, здравствуй! Заходи-ка… Время есть? Нам хватит перемены. Я даже сейчас хотела поискать тебя… Смотри!

На столе лежала наклеенная на кусок картона фотокарточка. Совсем не пожелтевшая, не потрепанная, ее, похоже, с тех давних времен никто и не рассматривал, не брал в руки. Евлампию Люба узнала мгновенно. Она совсем не изменилась, только взгляд стал решительным, смелым. Волосы на голове были свернуты в простой узел. Из-под строгого жакета выглядывал светлый воротник блузки.

Рядом с Евлампией сидел молодой человек. Люба слегка разочаровалась, увидев его. Она представляла Рогожина роковым красавцем, а тут совсем обычный парень в стареньком, затертом пиджачке, с бородкой клинышком… Что в нем интересного?

Люба осмотрела обстановку комнаты, где снялись Рогожины. Грубоватый шкаф, круглый стол, покрытый белой скатертью, кровать с железными шариками… Простые вещи!

– Это они здесь, в гимназии? – спросила тихо Люба.

– Думаю, что да. Вот только непонятно, в какой комнате.

Взгляд Багрянцевой внезапно задержался на окне на фотографии. За ним был тот же вид, что и из кабинета надоевшего французского!

Вечером, убираясь в кабинете биологии, техничка обнаружила под второй партой листок с перепиской следующего содержания:

Достала. Ничего не слышно. Когда она кончит?

Не знаю.

У тебя что по физике за контру?

3. А у тебя?

Тоже. Задушить физичку!

Да ладно душить… Пусть гуляет.

Меня бесит эта школа.

А знаешь где я щас была?

На кладбище?

Сама ты на кладбище! Я в музей ходила к И.А. Узнала – в кабинете французского раньше жил учитель-социалист.

Социализм в отстой. Анархия мать порядка!!!

Между прочим жена этого социалиста моя прабабушка. Я показала И.А. ее фотку, и она нашла, где они с мужем в своей комнате. И это кабинет французского!

И что они там делали?

На фотке?

Ага.

Просто сидели.

Я увлекаюсь более прогрессивными вещами.

Щ. сказал, что все неформалы придурки.

Он сам придурок. Но с этим покончено.

С неформалами?

Угу.

Ты теперь формал?

Я гот!!!!!!!!!!

А как это?

Я чорная и диприсивная.

Это скушно.

Ни фига не скушно!!! Это по библиотекам сидеть скушно как некоторые.

Между прочим я веду расследование.

Ну и гордись до пенсии.

А ты гордись, что «диприсивная».

Мы готы любим все темное и мрачное. Вам это не понять.

Кому это нам?

Таким как ты или М.

Я не дружу с М.!!!
Бизразницы.
До конца урока 10 мин.
Вижу.
А хочешь секрет?
Давай.
В каб. фр. яз. есть люк в подземный ход. Его прорыл социалист.
Откуда ты знаешь?
Я видела крышку. По-любому это он прорыл.
Социализм отстой.
Но надо выяснить – куда он ведет???
Прикольно.
Давай как-нибудь вместе туда слазим?
Нееее.
Почему? Там же темно и мрачно.
Не хочу.
Боишься?
Это диггеры там лазят. А я – гот!!!!!!!!!
Гот – бегемот.
Не смешно.
Ты трусиха.
А ты…

На этом месте переписка прервалась, вероятно, прозвенел звонок. Техничка так и не узнала, что ответила одна из героинь на обвинение в трусости. Половины слов она вообще не поняла.

И с обычной мыслью: «Ну и молодежь пошла!» – кинула листок в мусор.

Глава 7
Книжный червь

– Багрянцева! Багрянцева!!

Люба обернулась.

Вслед за ней по коридору семенила Иза Тарасюк на своих шпильках. Она всегда была в хорошем настроении. Только что на физике учительница выгнала из класса ее и Пархоменко, велев смыть помаду: первой – ярко-красную, второй – кошмарно-черную. Теперь, после уроков, губы Изы вновь являли собой самый яркий фрагмент скучного октябрьского пейзажа и криво, чуть ехидно улыбались.

– Уф-ф! Еле догнала!

На Изольде, как всегда, были узкие штанишки с блестками и околоспортивная кофточка на молнии. Молния, как бы случайно раскрытая до середины, открывала миру кружевной белый лифчик. «Некомплект», – подумалось Багрянцевой, успевшей, как и весь класс, рассмотреть Изины желтые трусики.

– Ну и бегаешь ты! – продолжала Тарасюк. – Куда торопишься-то? А-а! В библиотеку, поди?

Люба промолчала.

– Я… это… – Иза понизила голос. – У тебя прокладки нет?

– Нет, – сказала Люба.

Из-за угла вынырнула Жигулина.

– А, вон ты где! – закричала Женя, как обычно, на весь коридор. – Ну как, нашла?

– Не-а, – ответила Иза.

Женя подошла.

– Что, опять книжки читать собралась? – услышала от нее Люба.

– А ты, Люб, какими пользуешься? – не дав ответить, вставила вопрос Изольда.

Багрянцевой хотелось повернуться и бежать от них.

– Никакими, – буркнула она себе под нос.

– Ой, ну я же говорила тебе, она девочка, – прокаркала Жигулина.

– Какое ваше дело?! – огрызнулась Люба.

Две хулиганки захохотали ей в лицо. Вот так всегда – знаешь, что прав и что все у тебя как надо, а стоит какой-нибудь шпане ткнуть в тебя пальцем и поднять на смех, так сразу кажется, что ты самый никчемный, глупый, беззащитный человечишка.

– Да ты не думай, – добавила Иза, жутко довольная собой, – нам не для этого. Так-то мы тампонами пользуемся.

– Ага, – сказала Женя. – Нам… это… для другого!

Они снова рассмеялись, уже не над Любой, а от предвкушения чего-то.

– Ну ладно, не задерживаем. Давай топай к своим книжкам.

После такой «беседы» Любе захотелось не в библиотеку, а пойти повеситься. Ведь шлато она и вправду почитать что-нибудь о предреволюционных временах! Но после «нападения» девчонок, даже если б Люба собиралась на другой край света для спасения всего человечества, включая Женьку с Изкой, эта цель показалась бы ей самой презренной и ничтожной в мире. Вот что делает общественное мнение! Хотя, если подумать, треп двух хулиганок – это вовсе никакое не мнение даже, да и обществом эту жуткую парочку назвать трудно. Но это если подумать. А когда они вдвоем (ладно хоть не вдесятером) хихикают и издеваются над тобой – не так просто отразить атаку. Да и, в общем, кто сказал, что Справедливость

и Удача не на стороне этих девчонок? Живут они в свое удовольствие, учителей терроризируют, с парнями дружат, развлекаются по дискотекам… Да вон, оказывается, и взрослыми вещами уже пользуются. А между прочим, кружевной лифчик Изольда не зря носит: Люба в раздевалке сама видела, что грудь у нее очень даже неплохая. (Парни тоже постоянно подглядывали за Изой.)

С такими мыслями Багрянцева дошла кое-как до библиотеки. Домой ей не хотелось, а гулять было не с кем. Хоть информации об объекте поисков собралось уже немало, где и что искать дальше, Люба понятия не имела. Верней, имела, но решиться в одиночку ступить на эту дорогу не могла. Она постоянно думала о люке, который находился в кабинете французского языка.

Сомнений не было: таинственная крышка в полу связана с работой подрывника-социалиста. Может быть, это подземный ход, как Люба сказала (вернее, написала) соседке. А может, тайник, который прольет, вероятно, свет на жизнь Рогожиных или на местонахождение их потомков. Но как подступиться к люку? Осторожные расспросы у «француженки» Нины Антоновны не дали результатов: она ответила: «Не знаю» – и махнула рукой – мол, учись, не думай о посторонних вещах. Подговорить кого-то сунуться туда вместе тоже пока не удавалось. Из девчонок более-менее подходила только Аня. Но она не хочет.

Оставались только парни.

Ох уж эти парни!

А тут еще по классу пошел слушок о том, что она влюблена в Сашу Яблокова. И как Люба сумела допустить это?! Вообще-то ей нравился Сережа: красивый, уверенный, всегда модно одет. Тогда почему этот Яблоков то во сне снится, то на глаза попадается, то в мыслях присутствует?.. И выбрать не так просто. Саша брюнет, а Сережа блондин. Раньше Люба думала, что ей нравятся в основном брюнеты, но теперь уже не была в этом уверена. Саша более высокий, и на физкультуре лучше себя проявляет. Зато у Сережи милая мордашка! Он заигрывал было с Аленой, но теперь переключился на Алису. В сторону Любы хоть бы раз глянул. А Саша без конца со своим другом, Павлом Удинцевым. До девчонок им обоим вообще нет дела: то про модели танков говорят, то про каких-то душманов, то о том, как бандитов из Чечни выгнать. Ходят слухи, что они еще и стихи пишут, а если и любят кого – так только себя, родимых, или, как сказал однажды Паша, идеальный образ. Пару раз Багрянцева пыталась завязать беседу с Яблоковым – даже про оружие прочла кое-что заранее, чтобы в грязь лицом не ударить. Но он такую рожу скорчил, что сразу ясно стало – на дружбу рассчитывать не приходится. Лепетавшую про «АК-47» и «ППШ» Любу они с Пашей сразу же запутали и подняли на смех: нечего, мол, девчонкам в эти дела лезть. Зато по классу разговоры о ее попытках сразу же распространились.

В общем, надежд на завоевание Щипачева или Яблокова не было.

В отношениях с девчонками дела обстояли не лучше. После ссоры с Олей Люба так ни с кем и не подружилась. Замарашкой она не была – новой куртке, украшенной по низу и на рукавах аппликациями в виде изящных бабочек, большинство явно завидовало, постоять за себя тоже, в общем-то, могла, да и училась нормально. Но в классе бытовало мнение, что Люба – книжный червь, искатель не пойми чего, ну и вообще странная, не такая, как все.

Иногда от этого Багрянцевой делалось страшно грустно. А вдруг она так до конца жизни ни с кем не сойдется, вечно будет одна? Тут опять приходили мысли о том, что уж лучше быть финтифлюшкой или сплетницей, как Алинка или Ленка, лишь бы не сидеть без друзей. В другие дни Любе казалось, что еще чуть-чуть – и она отыщет своих братьев и сестер, внуков и правнуков Евлампии, которые, конечно же, подружатся с ней. Да и сами поиски, мечты о романтичном прошлом так затягивали, что грустить о нерасположении к себе каких-то дур казалось ужасной нелепостью.

Люба пришла в библиотеку и решила почитать что-нибудь о социалистах, о царе, о начале двадцатого века.

В библиотеке, как обычно, было тихо, малолюдно и немного холоднее, чем в классах. Любу здесь уже запомнили и ее просьбе: «Что-нибудь о революционном движении в нашей области» – не стали удивляться.

Книгу ей библиотекарша дала прямо-таки устрашающую. Если бы кому-либо пришлось читать ее по школьному заданию, а тем более учить, что там написано, он, думается, предпочел бы получить «два», быть выгнанным из школы… Лишь бы не мучиться с этой кошмарной нудятиной.

Деревященко З.З. – весьма красноречиво и многообещающе значилось на грязно-серой обложке.

«Идейно-политическая мысль и пролетарское движение в Елизаветинском уезде периода империализма».

Так называлась книга. А для тех, кто еще не понял, что за скукотищу ему предстоит читать, на титульном листе помещался развеивающий все сомнения подзаголовок:

«Исследование в рамках проблематики общемировой борьбы классов. Издательство „Наука“, 1951 год».

Словом, перед Любой лежало отменное средство от бессонницы. Что она сделала? Конечно, как и всякий увлеченный сыщик, бросилась читать его!

Нельзя сказать, чтобы этот труд привел в восторг нашу исследовательницу. Тут и там З.З. Деревященко твердил(а) о том, что царь был злобным угнетателем, главным помещиком и эксплуататором, народу при нем жилось все хуже и хуже, а бросавшие бомбы в начальников личности, воры, грабившие банки ради нужд всемирной революции, и их укрыватели являлись героями, образцами для юношей. К тому же автор – для того, должно быть, чтоб в его уме никто не сомневался – без конца вставлял слова вроде «феодализм», «диалектика», «средства производства» и «антагонизм». Люба их не понимала, но довольно скоро обнаружила, что особенного смысла там и нет. То, что искала Багрянцева, было заключено отнюдь не в этих словах. Можно сказать, эти печатные чудовища являлись чем-то вроде стражников, что берегли сокровища знаний и фактов. И Люба их не испугалась, победила.

В поисках сведений о Рогожине Люба постепенно пролистала большую часть книги. Кое-где проскакивала информация о подпольных обществах, распространении прокламаций, запрещенных книг и даже о поддержке заговорщиков каким-нибудь купцом или помещиком. Всё это было любопытно, заставляло погрузиться в атмосферу опасного и романтичного времени, но ни на гран не приближало к цели. «С какой стати, собственно, здесь будут писать о каком-то учителе? – подумалось вдруг Любе. – Мало ли было таких же, как он, бунтовщиков!»

Она уже добралась до главы, где речь шла о революции 1917 года, и вдруг… Взгляд зацепился за знакомую фамилию! Люба склонилась над страницей – и едва поверила глазам!

«Начало февральской буржуазной революции в Елизаветинском уезде ознаменовалось взрывом классовой борьбы и ненависти. Именно она заставила зажравшегося дворянского сынка К. Иванова подло донести царским ищейкам на собственного учителя. Преподаватель мужской гимназии (ныне средняя краснознаменная школа №1 Ворошиловского района), где учился Иванов, Ф.А. Рогожин был пламенным социалистом, защитником угнетаемого пролетариата и крестьянства. Также он являлся одним из основателей революционного кружка в Елизаветинске, известного в работах как „кружок Морщихина“. До того, как стать на путь народного образования, Рогожин со своей женой – талантливой портнихой – даже организовал народную коммуну по образцу, предложенному Н.Г. Чернышевским в его бессмертном романе „Что делать?“. Они закупили 45 швейных машин „Зингер“ и попытались привлечь девушек из рабочих семей для организации первой в Елизаветинске народной самоуправ-

ляющейся фабрики. Увы, капиталистическая действительность не позволила этой идее реализоваться. Проект Рогожина мог быть исполнен только после победы пролетарской революции (подробнее об этом см.: Поросятников Л.Д. Швейная промышленность Поволжья и Приуралья в свете гениального учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Москва, „Политиздат“, 1936. Т.3. С. 1136–1137). Неблагодарный змей, пригретый на груди учителя, К.Иванов набрался наглости и написал донос на своего преподавателя, обвинив его во множестве „смертных грехов“. К счастью, он просчитался. Донос был написан 26 февраля памятного 1917 года. В тот же день жандармы сделали попытку арестовать пламенного борца за правду. Гимназия была окружена. Однако ни Рогожина, ни его жены не смогли найти, как ни искали. Советская наука пока не может дать ответ на вопрос, как ему удалось скрыться. Зато можно говорить с уверенностью, что следующий день, положивший начало свержению самодержавия, надолго запомнился К. Иванову и подобным ему личностям.

Что же касается уровня производительных сил к 1917 году…»

Люба еще раз перечла про неудавшийся арест и 45 швейных машинок. Бесспорно, речь шла именно о том Рогожине, который был ей нужен.

Но как быть с инициалами «Ф.А.»?!

Под экслибрисом значились буквы Ф.П. Вместе с родителями они вели поиски человека, чье имя-отчество начиналось именно на эти буквы. И как раз оттого, что они не совпали, были отвергнуты оба варианта – старичок и женщина. А ведь родственник той женщины был как раз «Ф.А.» – Федор Аркадьевич! Но тот уехал после революции, ему не понравился новый строй… Значит, снова не сходится. Или у З.З. Деревященко ошибка? Опечатка?

Люба перелистала книгу до конца. Там обнаружился список персоналий: все личности, упомянутые в тексте, и напротив – те страницы, где о них написано. Багрянцева провела взглядом в той части, где шли фамилии на букву Р:

Рогожин Ф.А., деятель рев. движения – 228.

Ну, двух опечаток точно быть не может.

Но не может быть и так, чтоб два социалиста жили в одном городе, работали в одной школе, под одной фамилией и различались только отчеством!

Люба обхватила голову руками и задумалась. Потом вспомнила, что у нее в рюкзаке яблоко, вынула его, быстренько съела, пока библиотекарша не видит, и опять задумалась.

Неужели она спутала, неправильно запомнила те буквы, что стояли под рисунком в книге Карамзина? Нет… Нет… Не может быть!

Но проверить все равно стоит.

– Алла Николаевна, можно мне еще раз ту старинную книгу – «Н.М. Карамзин. Сочинения»?

Библиотекарша тихонько улыбнулась – то ли снисходительно, то ли довольно. «Что она про меня думает?» – вдруг обеспокоилась Багрянцева.

Красный том снова был перед ней. Так… Все на месте, даже странно: два знамени, книга на них, штык, непонятный колобок внизу. «Изъ книгъ И. П. Рогожина». Явно вписано не от руки. Печать. Стало быть, и в остальных книгах загадочного социалиста-учителя…

Стоп!

Остальные книги! Что, если здесь есть еще книги Рогожина? Какое «если», тут должны быть его книги!

Немногочисленные посетители библиотеки разом повернули головы, переглянулись, услышав обращение странной девочки:

– А дайте мне, пожалуйста, еще что-нибудь из книг Эф Пэ Рогожина! Если, конечно, они сохранились. Мне это нужно… для исторического исследования.

«Я ее знаю, она из 8-го „В“!» – почтительно прошептал какой-то первоклашка, и несколько малышей, отодвинув свои буквари, с уважением и любопытством уставились на Багрянцеву. «Куда я попал?» – читалось в глазах высоченного выпускника. Две кумушки, до той поры усиленно шептавшиеся над брошюрой «Как влюбить в себя всех мужчин», тоже навострили уши: вдруг «Рогожин» и «исследование» – это что-то модное, что они невзначай пропустили?!

Библиотекарша задумчиво качнула головой.

– Сейчас гляну, кажется, были, – сказала она Любе.

А потом добавила:

– Давно мне не встречались такие… хм… оригиналы, как ты.

И хотя в этом слове, по идее, и нет ничего обидного, Багрянцевой опять сделалось неприятно. Не хочет она быть оригиналом! Она нормальная, обыкновенная девчонка, как и все. Разве нормальные не могут увлекаться стариной и заниматься поисками родственников через книги?

Библиотекарша искала долго, минут десять.

Потом пришла артель десятиклассников, четыре человека. Попросили «Тихий Дон».

– Но есть только один экземпляр.

– А нам больше не надо! Там ведь четыре тома? И нас четверо! Мы и по одному-то тому едва ли осилим. А сочинение как писать? Ну, как-нибудь сгруппируемся.

Алла Николаевна дала им по тому и снова пошла искать книги Рогожина. Дело это было непростое, но, как узнала Люба, к счастью, в библиотеке имелся специальный служебный каталог раритетов, где все труды значились не по темам, а по тому, откуда они поступили. Так что перебирать все подряд в поисках рогожинских экслибрисов библиотекарше не пришлось. Еще через десять минут она вышла с тремя книгами: одна как новая.

– Руки чистые? Садись здесь, прямо передо мной. Да не вздумай выносить их!

Первым делом Люба обратилась к самой тонкой книге, она же самая потрепанная. «Значит, интересная», – логически решила наша героиня. Впрочем, ошиблась. Творение некоего господина Евстигнеева называлось «Дюжина сердитых свах и сударь в дамской шляпке». После краткого ознакомления стало ясно, что оно, наверно, было бы интересным Алине и двум ее подругам… родись они на сто лет раньше.

Вторая книга, попавшая в Любины руки, оказалась – и весьма закономерно – тем самым романом Чернышевского, который товарищ Деревященко назвал бессмертным. Пару раз Люба эту фамилию слышала, но о чем книга – понятия не имела. Если верить все тому же Деревященко, про то, как надо ставить у себя швейное производство. Неужели и Евлампия читала эту книгу? Та самая девушка с фото! И ей было интересно?

Перелистав страницы, Люба не нашла ни пометок бывших хозяев, ни ответа на вопрос «Что делать?». Багрянцева сумела уловить лишь бесконечно повторяющееся словечко «миленький», странно-слащавый тон героев да их постоянное стремление к чему-то непонятному.

Везде тот же экслибрис, везде те же инициалы… Человек с двумя отчествами. Может, ответ в третьей книге?

Она, совсем нечитанная, называлась «Феноменология духа». Неудивительно, что за век пребывания этой вещи в школьной библиотеке никто не пожелал прочесть ее. Люба подозревала, что и сам Рогожин вряд ли смог осилить сей кирпич. Автора звали Г.В.Ф. Гегель. Его Люба тоже не знала. Может, родственник Гоголя? Сама фамилия уже чем-то подсказывала, что подступиться к опусам этого товарища – непросто. Краткий осмотр подтвердил это предположение: книга написана жутко заумным языком (много хуже, чем у Деревященко) и, видимо, понятна только автору.

Страницы чистые, хоть и желтые, но все, как одна, плотные, не истрепанные, не измятые. Первые две сотни, судя по всему, все же читали, хотя бы просматривали. Остальные же страницы были даже не разрезаны. Чтобы разделить их и прочесть, требовался специальный нож для бумаг – это Люба уже знала.

«Попросить нож у библиотекаря? – подумала она. – Хотя зачем, если даже Рогожин туда не добрался?.. Все равно на страницах нет его пометок. Не читать же мне действительно всю эту белиберду!»

Люба лениво поглядела на последние листы. Вспомнила, что не обедала сегодня. Пролистнула несколько неразрезанных страниц.

И чуть не подпрыгнула, найдя там сложенный листок бумаги!

Сердце учащенно застучало. А что, если именно здесь ответ на все вопросы?!

Дрожа от волнения, Люба вытащила лист.

Прочитав эту старинную записку, она поняла, что впереди еще одна загадка.

«Федоръ, сынъ мой!

Обстоятельства принуждаютъ меня избрать сей ненадежный способъ сообщенія. Делаю такъ, ибо увереnъ въ том, что Прошка, с коимъ посылаю этотъ томъ, ничуть не любопытенъ. Ты же, безъ сомненія, догадаешься, отчего «благонамlренный купецъ» вздумалъ такъ скоро вернуть «учителю словесности» его книгу.

Нынче за завтракомъ г-нъ Іорданский сообщилъ мне, что имъ былъ полученъ доносъ на тебя, Федор. Я постарался не выказать ему своей сильнейшей озабоченности симъ фактомъ, но тотчас по его уходу сел писать это письмо. Молю Господа, чтобъ ты былъ предупрежденъ раньше. Надеюсь, ты сумеешь воспользоваться темъ средствомъ, о коемъ мы с тобою побеспокоились загодя.

Твой отецъ».

Что мы имеем? Доносчика, директора гимназии, социалиста с двумя отчествами… А теперь еще и неизвестно откуда взявшегося папу! Но если речь здесь идет о том Рогожине, с чьей родственницей Люба не так давно общалась, то этого никак не может быть, поскольку у того отец скончался до рождения сына! А муж Евлампии – Ф.П., а не Ф.А. Кто тогда был Ф.А., почти что в точности повторявший его биографию?

С такими мыслями уставшая, голодная, запутавшаяся Багрянцева шла к выходу из библиотеки.

Она уже тянулась к ручке двери, когда та сама собою с силой распахнулась. Из коридора с шумом ворвались Иза и Женя.

– Уф! Ну, оторвались! – сказала первая.

– Здесь нас искать никто не будет, точно, – выдохнула вторая.

Их взгляды встретились с Любиным. Она подумала было спросить, в чем дело. Девчонки тоже, кажется, хотели что-то сказать Любе.

Но тут из коридора зазвучал сердитый голос физички, Ирины Валерьевны.

– Тигрина! – возбужденно зашептала Женя.

– Вареньевна! – подтвердила Иза, тоже раскрасневшаяся от волнения. – Быстро! Берем книгу побольше – и за последний стол!

Хулиганки бросились сейчас же исполнять свое намерение, а Люба, поглядев на них немного и недоумевая, что могло случиться, вышла в коридор.

По коридору шла возмущенная физичка с белой прокладкой в руках.

– Докатились! Школа называется! Куда их родители только смотрят?! – шумела она.

Потом открыла дверь учительской, вошла туда… и на всю школу разнеслось:

– Нет, вы представьте, вы представьте! Забежали в кабинет, пока меня не было, и повесили вот эту гадость прямо перед доской! На ниточке!!! Тюрьма, тюрьма по ним плачет! Да я такого в жизни… Что? Урок, урок у меня был в 11-м «А»!..

Глава 8
Родословное древо

– Кто там?

– Это я… Люба!.. Мы сегодня договаривались…

– Ах, да, да.

Багрянцева снова увидела женщину лет сорока с простым, скучным лицом, которая в недавнем прошлом разочаровала ее и родителей и у которой Люба хотела получить новые сведения.

– Сейчас поставлю чайник… А родители где?

– Я одна в этот раз.

– А-а. Ну, вешай пальто.

Люба разделась и прошла на кухню. В тот раз их принимали в большой комнате. Сейчас было проще и интимней. Располагающий к беседе антураж: традиционный радиоприемник над столом, хотя его никто не слушает, выцветшая клеенка, свисающая с потолка косичка луковиц, голубая подставка для ложки около плиты.

– Что ж, слушаю, – сказала женщина, когда на стол было накрыто.

Люба кратко изложила ей противоречия своих новых открытий.

– Видите ли, тот «Ф.П.», которого мы искали, обнаружился под новым отчеством – «Ф.А.». То есть, возможно, это и Федор Аркадьевич. Ведь маловероятно, чтоб в одном городе в одно время жили два социалиста-учителя с одной фамилией и одним доносом на двоих!

– Так, значит, вы искали именно моего двоюродного деда?

– И тут неясность! Мне в четверг ужасно повезло, нашла записку. – Тут Люба вытащила из кармана улику, тайно унесенную из библиотеки: – Посмотрите.

Хозяйка изучила документ.

– Отец? Но у него ведь не было отца!

– В том-то и дело.

– Значит, это другой человек.

– Какой – другой? Вы сами посудите! Сколько в маленьком городишке может быть людей с одинаковыми фамилией и инициалами?!

Женщина задумалась.

– А знают твои родители, что ты здесь? – спросила она в конце концов, вместо того чтобы выдать нечто путное.

– Знают.

Это не было обманом, так как вопрос прозвучал в обтекаемой форме. Люба сказал родителям, что она будет в гостях у Алисы. Делать там, конечно, было нечего, но местожительство поклонницы журнала «Вог» являлось максимально близким к местожительству г-жи Рогожиной. Так что обман был минимальным. «Здесь», – «Где – здесь?» – «На улице Агрономов». – «Да, они знают, что я здесь». Все честно. А зачем Багрянцева скрывала от родителей невиннейший поход за информацией? Просто в последнее время они не разделяли ее увлечения поисками родственников. Думали, что это дело бесполезное и мешает учебе. Хотя с учебой-то у Любы было все в порядке.

– Ну, что же, – продолжала женщина. – Я даже и не знаю, чем тебе помочь… Мне, честно, и в голову не приходило, что можно докопаться до таких вещей. А дай-ка записку еще раз!

Люба дала.

– Хм… Похоже, настоящая.

«Она еще и сомневалась!» – возмутилась Люба про себя.

– Может, у вас сохранились какие-нибудь старые документы? Фотографии? Не знаю… Открытки, письма какие-нибудь? Что-нибудь о предках или от них?

– Письма? Да зачем она, эта макулатура?.. Все же умерли. А документы… Стой! Вспомнила. У меня ведь было древо. Да-да, древо родословное. Его нарисовал отец мой – царство ему небесное. Сейчас попробую отыскать.

Хозяйка ушла. Люба, чтобы не скучать, взяла два куска сахара и три конфеты: пока шли поиски древа, она успела их съесть. А после еще и подумать: «Как так можно – выкидывать старые письма просто потому, что все их адресаты умерли?!»

Наконец женщина вернулась с листом ватмана.

Весь он был заполнен синими, ручкой вычерченными прямоугольниками. Прямоугольники соединялись линиями – вертикальными, горизонтальными, прямыми и кривыми – там, где прямые не могли пройти, – одинарными, двойными и прерывистыми. Прерывистыми обозначались неродные дети, двойными – брачные союзы. Внутри каждого прямоугольника значились имя, фамилия, отчество и даты жизни и смерти человека.

– Ну вот, это я, – сказала хозяйка, ткнув пальцем в один из нижних прямоугольников.

Потом добавила, будто сама для себя:

– Надо у папы вписать дату смерти. Уже пятнадцать лет, как его нет, а я с тех пор этот рисунок и не доставала. Много чего здесь теперь не хватает. Сестра давно замужем, дочь у нее большая.

Люба с интересом принялась разглядывать ту часть родового древа, где расположился загадочный Федор Аркадьевич.

Жена у Федора значилась под вопросительным знаком. По-видимому, составитель таблицы знал только факт наличия таковой, имени же ее так и не смог отыскать.

«Как интересно все-таки, – подумала Багрянцева. – И почему у нас дома нет такой штуки? Надо сделать сегодня же».

И вдруг обратила внимание:

– Фаина Георгиевна! А почему Федор родился через десять месяцев после смерти отца? Ведь… это… ну… ребенка ждут… Вы понимаете?

Женщина смутилась.

– Не знаю. Я не замечала этого…

– Выходит, он никак не мог быть сыном этого Аркадия Иваныча?!

Тут женщина смутилась еще больше.

– Лучше б ты уроки… – начала бубнить она.

Но Люба уже не слышала. В ее голове все уже сошлось:

– Конечно, у него на самом деле был другой отец! Но мать записала его для приличия как сына умершего мужа – Федором Аркадьевичем. Между тем настоящий отец не только был жив, но и общался с Федором, помогал ему в подпольной деятельности! А тот знал все! То есть по паспорту Аркадьевич, но звал себя другим, настоящим отчеством – на букву «П.»! И книги свои подписал им!

Хозяйка не могла вымолвить ни слова.

– Кстати, вы не знаете, к кому в прислуги пошла Аглая Серафимовна, когда ее муж умер? Может быть, к какому-то красавцу? – деловито спросила Багрянцева.

– Да что это такое?! – возмутилась женщина. – По какому праву… Как тебе не стыдно задавать такие неприличные вопросы о моей родне?!

– Ну, – улыбнулась Люба, удовлетворенная своим открытием, – теперь-то точно ясно, что родня эта не только ваша, но и моя тоже.

Глава 9
На турбазе

К концу первой четверти Люба убедилась, что новая школа и новые учителя на самом деле не так уж плохи. Она даже удивилась немного, получив дневник без троек. Вообще не то чтобы Люба была троечницей раньше, но такие проколы – то по физике, то по геометрии, то по русскому языку – с ней случались. А в этот раз по русскому вышло даже «пять»! Как, кстати, и по истории, литературе, музыке, изо, биологии и географии.

Кроме того, была еще одна приятная новость. В каникулы Татьяна Яковлевна решила на два дня вывезти своих ребят на турбазу.

Поехали все девочки, за исключением Оли с Ирой, и многие ребята. В промозглое утро одного из последних дней октября все они собрались перед школой с огромными сумками, полными шоколадных батончиков, яблок, нарядов, лосьонов, кассет, журналов, дисков, гадательных карт и других необходимых в путешествии вещей. Ребят уже ждал автобус.

По дороге Люба думала о том, что, может быть, эта поездка поможет ей подружиться с кем-нибудь из одноклассников: к сожалению, в их глазах она все так же оставалась белой вороной. К тому же приходили мысли о том, что в неучебной обстановке больше шансов отыскать товарища для продолжения расследования. Ибо теперь, когда с именем-отчеством Рогожина почти все было ясно, в перспективе оставался самый смелый, самый важный шаг – узнать, что находится под крышкой люка в кабинете французского. Любу не оставляло подозрение, что эта тайна связана с намёком из записки насчёт «средства, о коем побеспокоились загодя».

В автобусе было весело. Женя с Изольдой опять громко дразнили кого-то из мальчиков. Те деловито обсуждали свои мужские дела.

– Никак не могу замочить босса на восьмом уровне, – жаловался Макар.

– А ты используй код бессмертия. Не знаешь? Нажимаешь Alt+Ctrl+Shift, вылезает консоль, там большими буквами вводишь QZSOL– HYTEHWBGTYXS, – сообщил Олег, известный неспособностью запомнить какую бы то ни было алгебраическую формулу.

Место возле Любы занимала ее соседка по парте Аня. В синей шляпе с полями, длинной юбке в клеточку, понизу уже замызганной октябрьской грязью, и в устрашающих черных ботинках а-ля боевик, она слушала музыку в плеере, покачивая головой.

– Что это за наряд у тебя? Где черная помада? – спросила Багрянцева, когда ей сделалось скучно.

– А? Что?

– ЧТО ЗА НАРЯД, ГОВОРЮ!

Аня выключила плеер.

– Что говоришь?

– Тьфу ты! Что за наряд, спрашиваю, у тебя? Ты ведь говорила, готы только в черном ходят.

– А, – махнула рукой Аня. – Я уже не гот. Я толкинист!

– Господи!

– А что? Я поняла, что готы – это не мое. У меня ранимая и творческая душа, я не люблю смерть! Мой удел – бессмертие! В общем, я эльфея. Скрытая. И шляпа у меня эльфийская.

– Все ж таки эльфея или толкинист?

– Одно включает другое! – авторитетно заявила Аня. – Кстати, у тебя нет дома Толкина?

– Это который «Хоббит»?

– Ага.

– Нет. А зачем тебе? Изъять хочешь?

– Нет, почитать только. Конечно, толкинистом я и так могу быть. Но все-таки любопытно, что там написано, отчего люди так балдеют!

Турбаза представляла собой кирпичный двухэтажный домик в русском стиле со вкопанными во дворе качелями, турниками, длинным столом и скамейками для принятия пищи на свежем воздухе. Правда, есть тут в октябре месяце вряд ли кому-то захотелось бы.

Что до самого здания, то на первом этаже располагались кухня, столовая, бильярд и небольшой зал с пианино, где вечером планировалась дискотека. На втором этаже имелись холл со старым телевизором, туалет, душ и комнаты для гостей. Ребята наперегонки кинулись занимать их.

Алина, Алиса и Алена, конечно, устроились вместе. В трехместный номер с Женей и Изольдой поселилась Аня. Диана, положив голову на плечо учительнице, протянула: «Ах, Татьяна Яковлевна, я бы так хотела жить с вами, а не с этими противными девчонками!» Люба поселилась в комнате вместе с Леной и Катей – не лучший вариант, но выбирать не приходилось.

Делать на турбазе было абсолютно нечего. Ребята знали это, так как приезжали сюда уже в третий раз: первые два – в седьмом классе, еще без Любы. Однако что-то непреодолимое снова и снова тянуло 8-й «В» на турбазу: похоже, они скучали здесь не без удовольствия.

Разложив вещи, Лена и Катя первым делом бросились на кровати и заговорили:

– Скучно!

– Ой, скучно!

– Ты как, на дискотеку идешь?

– Да ну… Чего там делать?..

– И я не иду.

Вскоре состоялся обед. Кормили очень вкусно.

Затем парни пошли играть в бильярд. Люба сначала в комнате написала две страницы в путевой дневник, который решила вести по обычаю людей прошлых веков. Потом пошла на поиски своих соседок.

Лена, Катя, Алена, Алина, Алиса и Аня обнаружились на диване в холле. Перед ними высилась куча разной косметики и дезодорантов: все привезенные сокровища. Один глаз у Лены был намазан синей тушью и голубыми тенями, другой – черной тушью и розовыми тенями, а губы блистали яркой зеленью. Примерно так же выглядели и остальные участницы косметического пира. Катя докрашивала губы Аниной помадой, остальные уже взялись за новое занятие: штудирование прошлогодних и позапрошлогодних журналов «Cool girl». «Вот не лень кому-то было их тащить!» – подумалось Багрянцевой. Но любопытство, как всегда, взяло верх, и она присоединилась к компании.

– Так! Тест! – провозгласила Катя. – «Подходит ли тебе твой парень?» Вопрос первый…

Парня у Любы не было, но все девчонки принялись вслух или про себя отвечать на вопросы, и она решила тоже мысленно выполнить тест. Своим парнем без раздумий сделала Сашу Яблокова.

На седьмом вопросе он появился собственной персоной. «Ты предлагаешь ему пойти на концерт любимой поп-звезды. Что он отве…» – не успела дочитать Катя. Из коридора с визгом выскочила Женя в длинной майке, с полным подолом костяных шаров. Она пронеслась в сторону туалета. Следом выбежали Саша с Пашей:

– Держи ее! Держи!

– Вот вам, будете знать, как отказываться играть с нами! – победно выкрикнула появившаяся Иза с кием в руке.

Ближе к вечеру Катя и Лена занялись чтением проспекта, где предлагались всякие примочки для мобильных телефонов. «Твой гид по SMS-развлечениям», – значилось на цветной обложке. Дело в том, что Лена получила право бесплатно разжиться парочкой картинок и мелодий. Теперь требовалось сделать выбор, чтоб не упустить выгоду.

– Может, армейский прикол заказать? Смотри: «Просто отправь Armia на номер 12345!»

– А как насчет своего имени иероглифами?

– Не-е-е… Лучше реалтон «Колорадские жуки»!

– Ой, смотри, фотка Димы Билана! Хочу!

Когда Любе наскучило следить за этим действом, она решила, что пора уже пойти поговорить с кем-нибудь о совместном проникновении в люк в кабинете французского.

– Ты куда, Любка?

– Схожу к кому-нибудь в гости.

– А на дискотеку пойдешь вечером?

– Да.

– Хм… Пойти, что ли, тоже? Как думаешь, Лен?

– Ну, можно… Сходим, так и быть.

Люба покинула комнату, прошла мимо холла, где сидели перед телевизором Диана и Татьяна Яковлевна, и остановилась у двери, из-за которой звучали голоса Жени и Изы.

Багрянцева уже простила им ту обиду с прокладкой и библиотекой. С кем не бывает… Хоть они и злостные хулиганки, курильщицы, а смелости не занимать обеим. Может, не откажутся от приключения спуститься в люк?

И, постучав, Люба вошла.

Девочки лежали на кроватях и листали все те же журналы «Cool girl».

– «…потом Вася снова попросил меня об этом. Но мне даже страшно представить. Что делать, дорогая редакция?» – громко читала Женя. – А, Багрянцева! Что, тоже хочешь почитать?

– Не, у меня, девчонки, деловое предложение к вам, – ответила Люба, присаживаясь.

– Ну-ка, ну-ка!

– Видели люк в полу в кабинете французского? Есть мысль проникнуть туда.

– Ого! А что там?

– Думаю, подземный ход.

Женя с Изольдой переглянулись.

– Ты… это… серьезно?

– Ага.

Женя с Изольдой переглянулись еще раз.

– Как там на шпильках-то ходить? – забеспокоилась Изольда.

– А нас не заловят? – спросила бывалая Женя.

– Ну, не знаю…

– А тебе зачем туда?

– Я думаю, это поможет мне ответить на многие вопросы о прошлом нашей школы и моей семьи, – гордо отвечала Люба.

Девчонки как-то даже выдохнули с облегчением:

– А-а-а! У-у-у! Не-е-е! Мы не ботаники, нам это все неинтересно! Сама лезь!

«Ну вот, и эти тоже трусят», – решила Багрянцева.

– Да ну вас, – сказала Люба.

И пошла вниз, к бильярду, туда, где сейчас парни.

С девчонками каши не сваришь.

Внизу Саша с Пашей, как и ожидалось, играли в бильярд. Попутно обсуждали вопрос – кто победит, если на ринге сойдутся боксер и каратист. Паша поддерживал первого, Саша второго. Оба сыпали фамилиями чемпионов, названиями разных заковыристых ударов и прочими словечками, недоступными женскому полу.

Люба немного постояла, посмотрела на игру. Зрелище это оказалось прескучнейшее. Если бы не Саша Яблоков с его широкими плечами и гордой улыбкой, смотреть было бы вообще не на что.

– Ну что, – спросил Паша не очень приветливо, – тоже играть хочешь? Шары у нас таскать явилась?

– Это не женская игра, – добавил Саша. – Иди лучше журнальчик почитай.

– Какие хамы вы оба! – обиделась Люба. – Я-то думала, вы умные и смелые ребята, хотела дело предложить!

– Да какое у тебя там дело…

– А такое! Не хотите – не узнаете! Найду кого получше!

С этими мальчишками нет никаких сил общаться! Как только другие умудряются влюбляться, гулять с ними?..

– Ой-ей-ей. Ладно, рассказывай, что там у тебя?

– «Ладно»!

– Ну, извини. Мы просто после Женькино-Изольдиного нашествия немного опасаемся.

Парни прервали игру, и Люба кратко изложила свой проект, как уже делала это для Ани и для Жени с Изой.

Тут случилось что-то удивительное. Лица парней вытянулись, словно им сообщили, что оба схватили по двойке за четверть. Сперва они не верили, что Люба в самом деле собирается проверить, что под крышкой люка. Потом как будто испугались.

– Не вздумай туда лазить! – сказал Паша. – Тебе там делать нечего…

– Тихо ты! – Саша пихнул его в бок. – Люба, там ничего интересного нет. Точно.

– Откуда вы знаете?

– Мм… Мы там были.

– Были?!

– Да.

– И что там?!

– Что?! Да так… Нет ничего… Пусто, – отвечал Паша.

– Просто яма с крысами, – добавил его друг. – А в ней ничего нету. Кроме крыс.

– Ну да! – не поверила Люба. – Хоть что-то там должно быть!

– Нет… Ничего нет…

– Зачем тогда яма?!

– А в ней хранили… раньше… вещи всякие… А теперь ничего нет. Кроме крыс! Больших, жирных!

– Хм… у меня как-то была крыса, – сказала Люба. – Такая милая… С такой мордочкой, такими лапками, таким хвостиком!

– Да? Круто, – сказал Саша. – Кстати, в этой яме мы еще и пауков видели.

– Брр…

– Вот так!

Парни важно покивали головами и вернулись к игре.

«Как-то все это странно», – подумала Люба, а потом сказала:

– Мне кажется, что каратист победит.

– Почему? – спросили парни.

– Боксер только руками дерется, а каратист и ногами тоже. То есть больше инструментов у него.

– Логично, – удивился Саша.

Он не ожидал от девочки такого хода мысли.

А Багрянцева подумала, что, может, раз она так проявила себя и поддержала в споре Сашу, тот будет побольше внимания на нее обращать.

Когда Люба вернулась к себе, две ее соседки уже примеряли наряды. Между делом выяснилось, что одна из них взяла с собой четыре платья, а вторая – два, но зато в комплекте с мини-утюгом, феном и лаком для волос.

– Чего это вы? – улыбнулась Багрянцева. – Дискотека-то еще не скоро!

– Да мы так, – сказала Лена. – Для развлечения просто.

А Катя добавила:

– Мы, может быть, еще и не пойдем!

Но Люба почему-то в это не поверила.

– Кстати, ты не знаешь, правда ли, что у Алины на мобильнике стоит… – Катя назвала популярную песню.

– Вроде да, – сказала Люба.

Катя разволновалась:

– Блин! Ну а мы-то что, хуже, что ли?

– Кстати, у ее дружка Щипачева в виде заставки стоит сердце с надписью «Любовь», – добавила всезнающая Лена.

– Ну, все ясно с ними! – услышала Люба и про себя отметила, что, в общем-то, ей это почти все равно.

А тут и в столовую позвали.

За ужином 8-й «В» ел курицу с рисом и спорил, какую музыку поставить на дискотеке.

А потом началось… Несколько парней еще толклись возле бильярда, двое играли, остальные – в том числе Саша и Паша – спорили о том, есть ли жизнь на Марсе. Зато наверху, в комнатах девчонок, царила радостная суматоха:

– Девочки, где фен? Кому я отдала свой фен?

– Алена, дай мне ту подводку!

– Алина, дай мне эту тушь!

– Эту или эту кофту? А? Эту? Или эту? Скажи! Эту? Нет, я лучше другую.

– Ой, какой дезик! Как он клево пахнет! Ну, ты ведь дашь мне побрызгаться? Ну пожалуйста! Ну Катя! Ну! А-а-а-а! Не-е-е-ет! Все, я побрызгалась, можешь забирать.

– Ну, это моя помада, вообще-то…

– У тебя есть мусс? О, у тебя есть мусс! Почему же ты мне не сказала?!

– Прикинь, а я снова в этих джинсах…

– Любины туфли мне малы. Жень, дай твои!

– Нормально так? Нет, посмотри! Нормально так? Нет, я ужасно выгляжу, ужасно…

– У тебя мелирование? Где делала?

– А я, Татьяна Яковлевна, не пойду на дискотеку! Там так музыка гремит, кошмар! Я лучше тут посижу, с вами.

В десять часов вечера надушенные, напомаженные девицы были уже готовы танцевать и собрались в зале на первом этаже. Но танцевать было не с кем. Несколько мальчишеских физиономий просунулись в дверь, оглядели зал, хихикнули и вновь исчезли. Женя уселась

на место диджея. Завели песню любимой большинством девочек класса группы, немножко покривлялись под нее. Но было скучно.

Вместе с Татьяной Яковлевной девочки пошли вылавливать ребят из их комнат, бильярдной, двора и холла.

Через полчаса какая-никакая мужская компания появилась. Семеро парней пришли в зал, сели и начали смотреть, как девочки танцуют. Свои отказы присоединиться они мотивировали то так, то сяк, пока наконец не сошлись на том, что музыка – дрянная. «Ну, ставьте тогда сами, раз такие умные!» – возмутилась Женя. Ее место занял Олег, бодро врубивший рэп, под который ребята сейчас же пошли отрываться. «Фу-у-у!» – сказали девчонки и расселись, как сидели только что их кавалеры. Через пять минут Олег был изгнан, и на его место водворилась Иза Тарасюк, поставившая старую песню группы «Армия»:

Мужчины – слезы без причины,
Мужчины, вам нас не понять,
Мужчинам не нужны причины,
Мужчины любят побеждать.

Парни поднялись и покинули в полном составе помещение.

В общем, дискотека проходила как обычно – весело.

К одиннадцати все-таки народ более-менее подтянулся. Свет выключили: в темноте плясать приятнее, никто не смотрит. Когда ставили медленные танцы, зажигали цветную гирлянду под потолком, оставшуюся с прошлых или позапрошлых новогодних праздников: надо же все-таки видеть, кого приглашаешь!

Люба не ждала, когда ее позовут, а сама подходила к ребятам. Кого пригласить – выбирала по росту. Половина мальчиков из класса были ниже Любы и для танцев не годились. Впрочем, ей еще повезло. Длинным Кате и Изольде подходили лишь один-два парня.

Увы, танцев всегда бывает мало. Полпервого ночи в зале появились классная руководительница и Диана.

– Пора дискотеку сворачивать! – сказала Татьяна Яковлевна.

– Спать уже надо, – недовольно вставила Диана. – У нас глаза слипаются, а вы тут врубили эту жуть.

«Жуть» сделали потише. Включили последний танец. Потом еще один. Потом еще. Потом самый последний. Потом снова пришла Татьяна Яковлевна и разогнала всех.

Но спать никому не хотелось.

Придя в свою комнату и почистив зубы, Люба обнаружила своих соседок, вовсе не планирующими отходить ко сну. Катя с Леной оживленно обсуждали, кто, чего и с кем.

– Анька весь день смотрела на Удинцева!

– Дианка весь день не отводила глаз от Яблокова!

– А Алина-то, Алина! Видела?

– Да, у них со Щипачевым точно все уже готово! Интересно, поцеловаться успели?

– Ну, само собой! Ты что, не видела, как они куда-то вместе бегали?

– Когда?

– Между пятым и шестым танцем.

– Да они всего-то станцевали вместе раз пять!

– Нет, шесть! Ты плохо смотрела, Катя! – гордо заявила Лена. – А вот Любка танцевала по разу с Коровиным, Тильком, Удинцевым, Дымовым и два раза – с Яблоковым!

– Ваше-то какое дело? – смущенно буркнула Люба, плюхаясь попой на кровать.

– Куда садишься?! – закричала Ухина. – Там же карты! Мы с Ленкой в подкидного собирались!

Люба встала.

Катька начала было бранить ее за бестолковость, но тут Лене в голову пришла интересная мысль:

– Ты целовалась, Любка? – спросила она.

– В смысле?

– Ну, с парнями? В губы?

Люба еще больше засмущалась, подумала: «Чего им надо от меня?» – но не смогла соврать:

– Нет, ни разу.

– Отлично! – заявила Лена. – Значит, наши карты обрели способность видеть будущее! Вы не знаете? Есть поверие такое: если нецелованная девушка посидит на картах, они станут гадательными!

Мысль о гадании была воспринята на ура. Катя побежала собирать девчонок. Пока она отсутствовала, Лена показала новую заставку на мобильном телефоне и сообщила Любе, хотя та и не просила, статистику медленных танцев по всем девчонкам, а также свои выкладки в плане того, кто в кого влюблен. И как назло, насчет увлечения самой Багрянцевой не ошиблась! Но Любе и в этот раз повезло. Появление Кати вместе с желающими погадать Аней, Алисой, Алёной, Алиной и Изой избавило от обсуждения факта двух танцев с Сашей и необходимости оправдываться.

Гадание оказалось делом более веселым, чем танцы. Минут через двадцать появилась Женя, а потом даже Диана, так активно призывавшая всех спать. Еще через полчаса две девочки уснули на кровати Любы, три – усиленно клевали носом. Но гадание продолжалось, никто не сдавался.

Когда очередь дошла до Любы, она сняла часть колоды и загадала на Сашу Яблокова. Лена Лепетюхина, раскинув карты, сообщила:

– Он думает о тебе!

– Что, прямо сейчас? – улыбнулась Багрянцева.

– Да, – сказала Лена с важным видом.

Спустя пять минут Любе понадобилось отойти в туалет. Проходя мимо комнаты, где жили Саша с Пашей, совершенно неожиданно из-за двери услышала голос Яблокова:

– Думаю, одна она в этот люк не полезет.

– А вдруг полезет?! – отозвался Паша. – Мы не должны допустить этого!

– Да ладно тебе… Струсит… Ведь она девчонка… Впрочем… Может и полезть… Весь день думаю об этом.

Когда пораженная Люба вернулась к себе, то ее встретила горячая дискуссия:

– А я тебе говорю, у Собчак ЭТА заставка! – заявляла Лена.

– А я тебе говорю, что не эта! – отвечала ей Алина. – Уж ты мне поверь. Я как бы журналы читаю. У нее теперь котенок там стоит, а эту ерунду она уже неделю как стерла!

– Пролетела ты, Ленка, – ехидно сказала Алена.

Казалось, Лепетюхина вот-вот расплачется.

Глава 10
Интриги

Первый учебный день второй четверти ознаменовался двумя громкими скандалами. В обоих, как ни странно, была замешана бесцветная Ирина Сухих.

Началось все с того, что Алина, Алиса и Алена сменили имидж. Их волосы теперь были покрашены в цвет «Бургундский красный». Девочки блистали новыми белыми сапожками со стразами, малиновыми штанишками, шоколадными юбчонками, сливочными свитерками и натуральными шубками.

– Это от «Диора», – объясняла Алиса непосвящённым. – Это «Дольче и Габбана». А вот это «Жирофле». Ну, долларов шестьсот-семьсот, наверно… Папа из Москвы привёз.

Первым уроком была биология. Молодую Анну Павловну так и не признали, но за время каникул все так набесились, что десять минут класс просидел смирно.

…Пока не вошла опоздавшая Ира.

Стоило бедняжке появиться, как парни принялись тыкать в нее пальцем, девочки раскрыли рты, а у Алины и ее подруг лица вытянулись. И вовсе не потому, что класс так ненавидел Иру. Обычно ее попросту не замечали. Но не в этот раз!

Кофта на Ире была точь-в-точь Алинина. Юбка – как у Алисы. Ну а туфли полностью повторяли Аленины «Гуччи».

На перемене все девчонки столпились вокруг Сухих – где ей удалось добыть столь дорогие вещи? Ведь все знают, что мать ее всего лишь кондуктор, а папа вообще на пенсии.

– Ну, как где? – прошептала Ира, ежась. – Как всегда, на рынке.

Алина бушевала. Алиса рвала и метала. Алена хваталась за голову. Как на рынке? Быть не может! Это же фирменные вещи!

Но Ира клялась и божилась, что весь гардероб обошелся ей в полторы тысячи рублей.

Провели экспертизу. Девчонки убежали в туалет, сняли там свои обновки и тщательно рассмотрели их снаружи и изнутри. Один к одному! Только у Ирины был ярлычок с надписью «Сделано в Китае», а фирменные наряды троицы имели лейблы из точно такой же ткани, с названием известных домов моды.

Лена с Катей тут же разнесли по классу, что шмотки поддельные! Парни и девчата не могли удержаться от смеха.

– Да у них все, от мозгов и до трусов, поддельное! – выкрикнул Сережа.

А ведь еще недавно он так вился вокруг троицы и почти стал бойфрендом Алины!

Услышав это, Люба передумала влюбляться в него. На турбазе она ощутила обиду на Сашу: помогать не хочет, да еще задумал для чего-то помешать ей! Весь остаток каникул Багрянцева лелеяла в своей душе образ почти забытого Сережи. Вот, будет знать этот противный Сашка!

Но после предательского выкрика влюбляться в Щипачева сразу расхотелось. Очень мило будет, если когда-нибудь, поссорившись с Любой, он тоже станет во весь голос говорить всякие гадости о бывшей подруге!

– Вот цирк с этими модницами, – отдувалась Аня. – Клянусь Аматэрасу! А ты почему не смеешься?

– Да вот, предчувствие какое-то плохое, – отвечала Люба.

И, увы, не обманулась.

Третий урок начался как обычно. Шла литература. Учительница читала вслух чей-то рассказ. Минут пять Люба слушала, потом заскучала: там не было ни слова ни о царских временах, ни о тайных социалистических организациях. От нечего делать они с Аней вновь

завели переписку. Выяснилось, что эльфее не понравились книги Толкина, и она опять пересмотрела свои взгляды на мир. Теперь Пархоменко вступила в ряды поклонников анимэ – японских мультиков. Вместе с соратниками она занималась в кружке рисования, располагавшемся неподалеку от школы в старом здании, известном Багрянцевой, с недавних пор изрядной специалистке по краеведению, как дом владельца шерстяных фабрик Левкоева. Теперь и на уроках Анька рисовала раскосых девочек, без конца бубня что-то про сегунов, самураев, камикадзе и свой грядущий переезд в Японию. Потом она шепнула:

– Ты в кружок к нам тоже приходи.

– Из меня художник, как из Женьки профессор университета, – улыбнулась Люба.

– Ну, вот и научишься.

Багрянцева сказала, что подумает.

А через пять минут Любе пришла записка…

– Эй! Эй! – ткнула сзади Лепетюхина.

По ее довольному лицу Багрянцева мгновенно поняла, что записка в руках Лены с надписью «Любе Б.» уже прочитана великой сплетницей.

Развернув клочок бумаги в клеточку, Люба с недоумением прочла:

«Макар – мой! Прекрати приставать к нему! Он тебе не достанется! Ира С.».

«Что за бред?» – возмущенно подумала Люба. Противный, жадный, толстый Макар, у которого на уме только игрушки, – приставать к такому может только сумасшедшая!

Она обернулась назад, туда, откуда передали послание. И пришла в ужас. Перед спящей на задней парте Ириной обитала Диана. Перед Дианой – Катя. Перед Катей – Лена. Это значило, что обе сплетницы наверняка успели сунуть нос в чужую переписку!..

…И через двадцать минут весь класс будет говорить про то, что Любка с Иркой втюрились в Макара!!!

Так и случилось.

– Ой, девчонки, а вы знаете, какие у нас страсти в классе?

– Сухих с Багрянцевой – отличные соперницы! Обе зануды!

– Хи-хи. Ты не переживай, Любка, может, Макар тебя и полюбит.

– Ой, я не могу, вот это новость!

– А я как бы и раньше это знала!

– Да, Багрянцева, любовь – это тебе не книжечки почитывать!

Люба отбивалась как могла.

Она подошла к Ирине и сунула ей под нос записку:

– Это что такое?

– Н-н-не зна-а-а-аю… – промямлила та.

– Твоя работа?

– Н-н-н… М-м-м…

– Твоя?!

– Н-н-нет…

– А откуда?

От Ирины ничего нельзя было добиться. Если в самом деле это написала не она, то злоумышленник хорошо выбрал свою жертву – безответную, вечно дрожащую девочку.

Сличили почерк. Вроде похож, а вроде и нет. Каракули и там, и там. Но большинство класса предпочло стоять на мнении, что записка подлинная. Уж очень развлекала всех мысль о том, что мышь Ира и книжный червяк Люба сцепились из-за самого некрасивого парня в классе.

– Ты, Ира, мне сама это передала! И не отказывайся, – твердила Диана.

– Все точно, – подтверждала Катя.

Травля продолжалась до тех пор, пока не появился Паша с лупой. Он внимательно рассмотрел спорную записку, Ирины тетради и важно заявил: подделка!

– Думаю, Ирине кто-то передал ее с другого ряда, – решил он.

– А что, вполне возможно! – сказала Диана.

Все тут же уставились на Алину и ее подруг. Модницы сидели так, что каждая из них сама или через подруг могла передать Ире злополучную записку.

– Это они! Они за свои шмотки мстят Иринке! – зашумел народ.

Те принялись оправдываться, говорить, что они ни при чем. Но класс уже избрал бедных модниц виновными. Хотя, как ни странно, мысль об Ириной и Любиной влюбленности в Макара продолжала пользоваться популярностью.

Домой Багрянцева ушла в полном расстройстве, даже злая.

«Ну понятно, что три „А“ хотели отыграться за обиду. Только я-то тут при чем?! И что это вообще за класс такой?! Все будто сговорились против меня!» – думала она.

А потом взяла и сказала сама себе: «Вот залезу в этот люк одна! Узнают, какова Люба Багрянцева!»

Глава 11
Подземелье

Принять столь смелое решение нелегко. Еще сложней осуществить намерение. Одно дело – явиться в школу с лопаткой, складным ножиком, фонариком, веревкой и грандиозным проектом, и совсем другое – реально попасть в кабинет, когда он будет заперт.

Кабинет французского был открыт, естественно, на уроках и на переменах. Все это время он отнюдь не пустовал, а все попытки склонить Нину Антоновну к сотрудничеству в плане изучения ее территории успеха не имели. «Не знаю», «Ни к чему», «Не говори глупостей», – отвечала француженка. Кроме возможности проникнуть в кабинет, необходимо было время, и, желательно, неограниченное – кто знает, сколько может уйти на отодвигание подставки с магнитофоном, на открывание старого люка? Так что мысли насчет «быстренько заскочить, когда Нина Антоновна выйдет», не годились. Требовалось оказаться в кабинете в то время, когда ее вовсе нет в школе. Но как? Дверь кабинета запирается на ключ. Спрятаться под партой и дождаться, чтоб француженка ушла? Тоже нереально: парты стоят так, что от дверей видно то, что под ними. Подходящих шкафов нет. И потом, даже если бы этот безумный трюк удался, как потом выйти из кабинета наружу?

Не находя решения, Багрянцева на всякий случай наблюдала за кабинетом. Все перемены она торчала рядом с ним. Порою удавалось не попасться на глаза Нине Антоновне, порой – нет. Пришлось прикинуться поклонницей французского, болтать, что хочешь взять какую-нибудь книгу, журнальчик. Однажды Люба даже заглянула в некое издание, выпрошенное у Нины Антоновны: там содержалось много всего о духах, о нарядах, о моде, столько замечательных картинок с манекенщицами… Таких сокровищ днем с огнем ей не найти! Все только на картинках. Лучше не травить душу.

Прошла почти неделя. Наблюдение за кабинетом не дало никаких результатов. Ценных мыслей не имелось. Уже по привычке Люба, прислонившись к стенке, ожидала, когда окончится чей-то урок французского (ее уроки на сегодня уже, к счастью, завершились). Незадолго до звонка из класса высыпалось с визгом десять ребят лет по одиннадцать. «Почему их отпустили раньше?» – подумала Люба. Вслед за детьми из класса вышла одевающаяся на ходу Нина Антоновна с журналом:

– Ой, Багрянцева, ты здесь! Извини, мне некогда. Тороплюсь очень: видишь, даже раньше времени закончила урок. А этот 5-й «А» еще и журнал свой у меня забыл. Может, отнесешь в учительскую?

Отказаться было неудобно, хотя Любе в жизни не случалось относить журналы. В их классе эта важная обязанность, конечно же, лежала на Диане. Люба не помнила даже, когда ей случалось вообще бывать в учительской. Даже страшновато – там же все-таки начальство обитает!

Но что делать, тот, кто собирается под землю, не может бояться учительской. Багрянцева взяла журнал, зашла на второй этаж, осторожно приоткрыла дверь учительской, скользнула внутрь…

Первым делом в глаза бросились две вещи. Нет, три. Нет, все-таки две, поскольку завуча считать вещью нельзя. Первая – ячейки для журналов. А вторая – о, силы небесные! – маленький деревянный ящик на столе у завуча с ключами от всех кабинетов.

На мгновение Люба замерла. Потом, чтобы никто не заподозрил, подошла не торопясь к ячейкам, медленно принялась засовывать туда журнал 5-го «А»… «Раздобыть! Когда? Немедленно! Но как?!» – мозг работал в бешеном режиме.

И тут произошло чудо.

В учительскую со всех ног вбежал крохотный человечек и заголосил:

– Александла Александловна! Там Лома с лестницы упал!

– Как упал?! – перепугалась завуч.

Вместе с малышом она выбежала в коридор…

Не теряя ни секунды, Люба метнулась к ящичку, схватила ключ с номером 6, засунула его в карман и пулей вылетела из учительской.

На лестнице, ведущей вниз, толкались взрослые, окружившие беленького первоклассника в изрядно перепачканном костюмчике.

– Откудова я знаю, зачем Саска этот сум поднял? Ну упал я… С последней ступеньки… И сто?..

Сжимая ключ в руке, Люба ходила взад-вперед возле заветной двери. От того, что возможность проникнуть в кабинет теперь была реальной, Багрянцева как будто испугалась ещё больше. Зайти? Не зайти? Сегодня? Или завтра? Ой, кажется, физрук идёт… Переждать надо… Ой, кажется, теперь какой-то старшеклассник… Тоже переждать… Ну всё, чисто. Зайти? Не зайти?..

Через полчаса она в конце концов решилась. Для начала убедила себя в том, что, зайдя в кабинет, она может так же просто выйти. Кто заставляет лезть под крышку люка именно сейчас?

Но, едва войдя внутрь, Люба сразу бросилась к заветному прямоугольнику. Поставила магнитофон на пол, сдвинула столик. Поисковый азарт в один миг прогнал нерешительность.

Однако открыть люк оказалось не так-то просто. Крышка мало того что рассохлась, а кольца, ручки, чтобы поднять ее, не было. Люба пробовала крышку поддеть ножиком: без толку. Инструмент угрожающе гнулся, грозил переломиться и явно был не в силах справиться с работой.

Что делать?

Люба села на пол, обхватила голову.

Через десять минут она уже стояла на пороге кабинета мальчикового труда и просила у учителя… всего-навсего гвоздь и молоток.

– А почему тебя послали? – недоумевал трудовик. – Парней, что ль, в классе нет?

– Нет, – бойко сочинила Люба. – Кто болеет, кто прогуливает, кто временно в детской комнате милиции. А у нас поломка небольшая, прямо на уроке. Вы не бойтесь, я умелая!

– Ну-ну, – ответил трудовик, а за спиной у него разом загудели два десятка симпатичных старшеклассников, с интересом наблюдающих за Любой. – Вот тебе три гвоздя. Наверняка первые два попортишь.

Багрянцева вернулась в кабинет. Села над крышкой. Когда-то, года два назад, она пыталась научиться забивать гвозди. Выходило, прямо скажем, плохо. Но… Просить помощи не у кого.

Первый гвоздь в самом начале оказался безнадежно погнут, как и предсказывал учитель труда. Вытащить его и распрямить было нечем. Ко второй попытке Багрянцева подошла уже основательней. Спустя минуту железный штырек с удобной шляпкой, почти ровный, торчал из заветной крышки.

Люба взялась за него, потянула. Дернула. Без результата. Вбила глубже, снова потянула. Крышка постепенно начинала приходить в движение, но одного гвоздя явно было недостаточно.

Тут-то и пригодился третий.

Взявшись руками теперь уже за два штырька, Люба поднатужилась и…

Раздался скрип старого дерева, в нос ударил запах гнилья, сырости; краем глаза Люба уловила паучка, в страхе убегавшего подальше от своей рвущейся сети…

Путь ко множеству загадок и разгадок был открыт.

– Ну как, забила? Надо же! А что это ты так разрумянилась? Случилось чего? – спрашивал трудовик, когда Люба с благодарностью вручала ему молоток.

В ответ она пробормотала нечто невнятное и кинулась обратно к своему открытому люку.

Первоначальный осмотр подземелья с помощью фонарика не выявил ничего, кроме черноты. Ни страшных крыс, ни пауков, кроме того, что смылся при открытии люка, не было замечено.

Люба села на пол и свесила ноги в подземелье. Потом, держась руками за края, спустила вниз весь корпус. Попыталась нащупать ногами ступеньки, но безрезультатно. Затем, не выдержав своего веса, шлепнулась вниз, на влажный земляной пол, слегка ушибив руку.

К счастью, подземелье было неглубоким. Из него без труда удавалось вылезти, все так же подтянувшись на руках. Ощупав стенки, Люба обнаружила, что она попала не в колодец и не в погреб: яма оказалась не чем иным, как началом подземного хода, ведущего в сторону широкой улицы, на которой находилась школа.

Взволнованная Люба вылезла из ямы, нацепила на спину свой рюкзак, взяла в руку фонарик и прыгнула обратно, вниз, навстречу новым открытиям.

Узкий коридор спускался вниз. Теперь делалось ясно, куда исчез Рогожин из окруженной жандармами гимназии! И не об этом ли средстве упоминал в записке его папа? Все понятно: предприимчивый социалист имел на всякий случай этот ход, чтобы укрыться в безопасном месте!

Но что, если бы преследователи нашли его и отправились в погоню за Рогожиным? Тогда они поймали бы и сообщника – того, кто на другом конце!!

Внезапно в качестве ответа перед Любой выросла стена. Не земляная, твердая, должно быть, металлическая.

Внимательный осмотр ее при помощи фонарика позволил обнаружить, что перед Багрянцевой, по счастью, не стена, а дверь. Нашелся и засов. Он был расположен с этой стороны, не с той, и для открытия не имел других препятствий, кроме чрезвычайной ржавости. Люба хорошенько нажала, и засов поддался.

За дверью находилось всего-навсего продолжение туннеля. Теперь он уже не спускался, а, достигнув нужной глубины, шел прямо. С этой стороны двери имелся такой же засов. Поразмыслив, Люба пришла к выводу: дверь предназначалась для защиты от погони, а погоня могла быть как за Федором Рогожиным, так и за тем, кто выступал его товарищем по ту сторону подкопа. Значит, последний раз скрывался не учитель, а именно этот товарищ.

Люба хотела двинуться дальше и вдруг…

Нога ощутила отсутствие почвы. Инстинктивно отдернулась.

Рука направила фонарик вниз, туда, куда Багрянцева чуть не свалилась.

И…

Девчачий крик пронесся через все пространство подземелья, долетев до кабинета французского языка.

В глубокой яме, по краям прикрытой остатками гнилых досок, находился человек. В кожанке, штанах военного покроя и грубых сапогах. Его поза и лицо, сухое, черное, словно у египетской мумии из музея… Все указывало на то, что перед Багрянцевой – мертвец…

Все это отпечаталось в памяти Любы в один миг. Одного взгляда вполне хватило, чтобы насмерть перепугаться.

Не разбирая дороги, визжа, то и дело вляпываясь в паутину и уронив фонарик, Люба кинулась бежать.

«Покойники! Призраки! Ужас! Бесконечный коридор! Не выбраться! А-а-а! Никогда, никогда больше!!! Что это? Опять дверь! Заперто, не выйти! Выломать, толкать! Ой-ей-ей!»

Дверь поддалась от малейшего усилия. Неожиданный свет кольнул глаза.

Когда они привыкли к освещению, Люба поняла, что страшное уже позади. Часы показывали, что исследование туннеля заняло всего десять минут. Отсутствие окон, облезлые стены и трубы свидетельствовали о том, что Люба – в подвале какого-то здания.

Кроме Багрянцевой, тут никого не было. Отдышавшись, она принялась пробираться через нагромождение ящиков и странных, порою весьма некрасивых скульптур к лестнице наверх.

Очень скоро Люба оказалась в каком-то коридоре. Унылые крашеные стены, ряд дверей подсказывали, что тут люди не живут, а работают.

Из-за дверей слышались голоса: в основном молодые. Обстановка весьма смахивала на школу. Это и придало Любе смелости. Она приблизилась к одной двери, чуть приоткрыла, ничего не разглядела через щель и распахнула полностью.

В ту же секунду раздались крики ужаса.

Мальчишки повыскакивали из-за мольбертов, девочки, визжа, попрятались от Любы за ними. По полу загремели кисти, палитры, карандаши. А впереди всей группы, возле стола с натюрмортом, в страхе заголосила учительница.

Подхваченная общей паникой, пускай и вызванной самой Багрянцевой, она кинулась обратно к лестнице, в подвал, а там – через туннель, мимо ужасного покойника в яме, через дверь, запнувшись о фонарик, вверх, вверх, вверх…

Пока не оказалась в школе, в кабинете французского.

Ставя на место подставку с магнитофоном и маскируя все следы своей деятельности, Люба уже почти не верила, что все описанное произошло с ней. Покойник, подземелье, двери, орущие художники – не сон ли это был? Но вся последовательность событий, вид мумии, запах сырости и чернота подкопа слишком крепко засели в голове Багрянцевой, чтоб усомниться в их реальности.

А подтверждение тому, что эпизод с художниками не привиделся ей, Люба получила, едва покинув кабинет.

Увидев ее, кучка малышей бросилась врассыпную. Охранник выпучил глаза. Уборщица взвизгнула. Какой-то парень дико уставился на нее, а потом разразился долгим, нервным смехом.

К счастью, в коридоре было зеркало. Глянув сама на себя, Люба отшатнулась. Лицо, руки, одежда – в жирной грязи туннеля, в черной подвальной пыли, в пятнах ржавчины. Клочья паутины на волосах. Хоть сейчас в кино сниматься, в фильме ужасов.

Люба добежала до туалета и долго-долго пыталась отчиститься.

Потом как бы случайно «потеряла» ключ от кабинета там, где его наверняка найдут. Наконец окольными путями выбралась из школы и, чтобы не позориться, как вор прокралась к дому.

Дома, отмывшись, она первым делом, пока не было родителей, открыла книгу «История Елизаветинска», купленную десять дней назад и восхитительно пахнущую типографской краской. В разделе по девятнадцатому веку она почти сразу отыскала строки о П.П. Левкоеве.

«Стоит упомянуть еще об одной примечательной фигуре времен Николая II. Петр Петрович Левкоев, некогда купец по первому разряду, стал одним из зачинателей местной шерстяной промышленности. К 1905 году его шерстопрядильная фабрика уже насчитывала 800 рабочих и приносила годовой доход, достаточный для содержания штата прислуги в 20 чело-

век, кареты, 8 лошадей, устройства пышных приёмов несколько раз в год, а потом и приобретения автомобиля – диковинки по тем временам. Как же печально сознавать, что эти ростки процветающего рынка были так грубо задушены большевистской нечистью! К сожалению, личная жизнь Петра Петровича складывалась не очень удачно. Известно, что с женой у него были весьма натянутые отношения, а детей не имелось вовсе. Возможно, на почве этой личной трагедии промышленник и заразился ядом революционного прожектёрства. Историками точно не доказано, но есть предположения, что он спонсировал банду, в советской литературе именуемую „кружком Морщихина“. Но даже если и так, пришедшие к власти плебейские орды не пощадили бывшего купца, не простили ему его происхождения и честно заработанных денег. В одну из ночей декабря 1918 года его пришли арестовывать. Как Петр Петрович сумел скрыться – неизвестно. Отряд чекистов даже умудрился понести потери при невыясненных обстоятельствах. Левкоевскую фабрику, конечно, национализировали, а о самом промышленнике не было больше никаких вестей: он словно испарился. Сейчас в его доме, спроектированном архитектором Ванюшиным, находится детская художественная школа».

И как же Люба раньше не додумалась, что шарик на экслибрисе Рогожина – это клубок шерсти! В одну секунду все в ее голове выстроилось по порядку. Арест Рогожина – бегство по туннелю к отцу, в убежище, о котором говорится в записке. Почти через два года – все наоборот, отец скрывается у сына. За ним погоня, подкоп обнаружен чекистами. Левкоев запирает внутреннюю дверь. Собравшиеся около нее преследователи – наверное, ломать хотели – обрушивают общим весом доски, под которыми – ловушка. И из нее уже не выбраться…

А потом сын с отцом исчезают. В Европу? В Америку? Здесь Люба была бессильна дать ответ.

Но как счастлива она была от того, что сумела узнать!

Пусть Люба не нашла родственников, зато установила факты, до сих пор неизвестные историкам! Одна! Силами только своего ума, усидчивости и решимости!

В тот день впервые выпал снег, спрятав унылую грязь поздней осени под белым покровом. И сразу на душе стало радостно…

Люба включила музыку и начала танцевать – для себя, легко, свободно, как ни на одной дискотеке.

А в пять часов позвонила Пархоменко:

– Послушай, Люба-сан! У нас невероятное событие! Я сейчас обзваниваю всех! Представь: в художке, ну, где я учусь, завелся призрак! Я сама не видела, но третий класс рассказывает, будто наблюдал его в полном составе! Вот прикинь, ага!

– Ага, – сказала Люба.

– Ну, что ты на это скажешь?

– Думаю, что призраков на свете не бывает, Аня-сан.

– Бывают!

– Что же, вам, художникам, видней, – ответила Багрянцева.

Потом положила трубку и снова начала танцевать.

Когда пришли родители, она все рассказала им как есть.

Глава 12
Маленькие победы

На другой день Люба пришла в школу с особым ощущением какой-то внутренней полноты. Теперь она знала что-то важное, свое, что никому из ребят не было доступно. То, что отличало от других. И отличало выгодно.

Недалеко от школы Изольда с Женей, как всегда, «наслаждались взрослой жизнью»: курили, заигрывали с двумя высокими парнями.

– Эй, Багрянцева! – весело крикнула Женя. – Хочешь курнуть?

– Нет, спасибо, – ответила Люба.

– А что так?

– Да как-то не тянет.

– Отстань от нее, Женька, она у нас еще маленькая девочка, с мамой-папой за ручку ходит, книжечки почитывает, – вставила Изольда, и два длинных парня с нею рядом засмеялись.

И тут Люба почувствовала нечто удивительное. В другой раз она бы непременно огрызнулась, накричала бы на девчонок, что они обе – дуры и трусихи, а она, она вот залезла в туннель, ничего не боясь. Расстроилась бы на весь день: немудрено и расплакаться, когда сразу четверо тычут в тебя пальцем! Может, даже подумала бы над тем, не начать ли курить, чтобы не подвергаться вот таким насмешкам…

Но сегодня никакой обиды не было. Люба ощутила, что ей просто наплевать, что там болтают пара хулиганок.

Багрянцева прошла мимо не менее радостная, чем с утра.

На крыльце школы ей попался Саша и поздоровался с ней так, как будто первый раз увидел.

Перед первым уроком в класс зашла Татьяна Яковлевна.

– Так, – сказала она. – Небольшая пересадка. Алиса, пожалуйста, на место Дианы, Диана – на место Алисы.

Олег, бывший сосед Дианы, этой передислокации нисколько не обрадовался. Только-только удалось заполучить соседку, у которой можно списывать, – и вот!

– Что это такое? – возмутился он.

– Ничего, – сказала классная. – А начнешь и эту обижать – сядешь один на последнюю парту.

– Что?! – возмутился Олег еще больше. – Я Дианку, что ли, обижал?! Да нужна она больно!

– Ну, раз не нужна, так и тем более, сиди с Алиной.

Алина нехотя взяла свои вещички и переехала на средний ряд, к Олегу. Диана с довольным лицом заняла ее место возле Саши Яблокова.

«Что бы это значило?» – думал 8-й «В».

Олег Коровин был хоть и не особо симпатичным, но весьма миролюбивым парнем. Чего бы ради начал он плохо вести себя с соседкой, да еще такой, которая – все знают – ходит в любимчиках?

На перемене начали шептать, что Диана наврала учительнице. Если ей так хотелось сидеть с Яблоковым, могла бы давным-давно попросить Татьяну Яковлевну и вообще не садиться с Коровиным в начале четверти. Выходит, злодейка решила напакостить Олегу? Но что он такого сделал ей?

– Да ничего я ей не делал, – уверял Олег. – Ну отобрал пенал два или три раза…

Спрашивать у Дианы толку не было, да и не хотелось. Скажешь что-нибудь не то, так она ведь еще на тебя стукнет. Так, погадав денек над новой странностью, класс разошелся по домам ни с чем.

Багрянцева немного задержалась: мыла класс вдвоем с Пархоменко. Аня-сан возила по полу веником, а Люба оттирала порошком настольную «живопись». «Кнопка выключения учителя» на самой задней парте с прилагающейся надписью «Пробовал – не помогает» отняла у нее целых десять минут. Еще пять забрала чья-то оживленная переписка насчет новой прически у Татьяны Яковлевны. Третью обнаруженную надпись Люба решила не смывать. Там говорилось: «Парень из 10-го „Б“, который сидит за этой партой! Я тебя люблю, хотя и не знаю, как тебя зовут! Позвони мне…» Не стоило, наверное, мешать чужой любви…

Спустившись в вестибюль, уже в пальто, Багрянцева опять встретила Сашу Яблокова. В этот раз он сидел на лавке вместе с Пашей, увлеченно обсуждая что-то. Люба думала пройти мимо, но мальчики махнули ей рукой.

– Привет, – сказал Удинцев. – Мы тут по поводу сегодняшнего пересаживания. Как думаешь, из-за чего это?

– Ну, всякое бывает. Мало ли… – уклончиво ответила Багрянцева.

– Мы вот с Пашей это все обдумали и пришли к выводу, – взял слово Александр.

– Помнишь ту записку про Макара? Да не волнуйся, всем ясно, что ты его не любишь! В общем, мы поняли: Диана – ее автор.

– Как это?

– А вот. Диана может попросить у классной все что угодно. Помнишь, в конце той четверти нас опрашивали, кто с кем хочет сесть? Наверняка Диана назвала как раз Олега, его пятую парту, средний ряд. Он все время на одном месте, не знаю, почему так повелось. А Диана уже третий год сидит со мной, – тут Саша немного смутился, – видно, нравится ей это. Ясное дело: она села с Олегом, чтоб подкинуть эту гнусную записку. И все просчитала: учительница посадила, не то чтобы просто так, по своей воле, приземлилась… Ирина – безответное создание, а тут еще этот конфликт меж ней и модницами, если что – их заподозрят. А вот теперь, когда все сделано, Диана снова попросила посадить ее со мной.

– Н-да, – протянула Люба.

– Только вот вопрос, – продолжил Паша. – Чем ты ей так насолила?

– Не знаю, – смутилась Багрянцева.

– Да у нее каждый второй враг! – сказал Саша. – Лучше давайте думать, как нам наказать ее!

– Напишем тоже гадкую записку!

– Не, Павел, лучше всем расскажем, что это она! Как думаешь, Люба?

– Ой, ребят, не знаю. Что-то мне не хочется об этом думать. Да и забыли все уже про ту записку.

– Вот это благородство! – протянул Паша.

– Я просто не в судебном настроении, – улыбнулась Люба.

Домой она шла, радуясь, что мальчики не поняли Дианиных мотивов. А ведь тут все было просто! На турбазе Лена с Катей снова запустили слух – и не безосновательный, – что Люба влюблена в Яблокова. Какой еще реакции на это можно было ждать от «непогрешимой» Дианы, которая уже третий год желает делить парту только с ним?!

«А Саша молодец, на это не купился! Он здорово соображает!..»

Глава 13
Сезон любви

За два следующих месяца произошло множество разнообразных событий. Анна Павловна написала на 8-й «В» три докладных. Алина, Алиса и Алена сделались брюнетками. Оля заняла пять третьих мест на школьных олимпиадах: по истории, по химии, по геометрии, по музыке и МХК; на всех городских она почему-то пролетела. Аня продолжала поиски себя. Макар с Олегом прошли полностью «Quake-3» и приступили к «Quake-4». Саша и Паша увлеклись Наполеоновскими войнами: дни напролет от них только и слышалось, что «гвардия», «уланы», «кирасиры» и тому подобное. Изольда Тарасюк заставила весь класс выучить назубок содержимое своего бельевого шкафа…

А вот Люба никак не продолжила свое изучение прошлого школы и города. Следствие Любы не то чтобы зашло в тупик, но, дав кое-какие результаты, все же не привело Багрянцеву к потомкам Евлампии. После похода в подземелье новых зацепок не было. Рогожин с женой и Левкоевым пропали одним махом в 1918 году, не оставив никаких следов.

Родители сначала не поверили Багрянцевой. Но жажда открытий, видимо, была семейной чертой. В выходные Любин папа пришел в художественную школу, представившись работником СЭС (документов не спросили, Багрянцев умел и так отлично убеждать людей), спустился там в подвал и нашел подземный ход. Останки чекиста решили не трогать.

– Пусть это будет нашей маленькой семейной тайной, – сказала мама.

Спустя некоторое время она предложила Любе изложить на бумаге все открытия и приключения. Вышло что-то смешанное между повестью и краеведческой статьей. Для пущей важности Багрянцева сослалась в ней на все книги, что были ею прочитаны в ходе расследования. Потом мама даже взяла это сочинение на работу: распечатать на хорошей технике.

В зимние каникулы Любе стукнуло четырнадцать. К этому дню она сходила в парикмахерскую, сделала то, о чем давно мечтала, – короткую стрижку и мелирование. Проснувшись утром в день рождения, Багрянцева нашла возле постели мамин подарок, самый радостный и самый долгожданный: губную помаду – не с рынка, а хорошую, французскую! Потом уселась завтракать и вдруг ощутила странную тяжесть внизу живота. Через пять минут до Любы дошло, что она наконец-то стала взрослой.

Вечером из зеркала на Любу смотрела совсем незнакомая девушка с накрашенными губами, модной прической и своей тайной.

Было и радостно, и грустно.

А в первый день третьей четверти 8-й «В» ждала потрясающая новость.

В класс вошли завуч и физичка, Тигрина Вареньевна.

– К сожалению, Татьяна Яковлевна по ряду причин уволилась из нашей школы. Так что представляю вам нового классного руководителя.

Все ахнули. Вернее, издали стон. Женя с Изольдой утекли под парты. Паша с Сашей беспокойно бросили взгляды друг на друга. Поклонница ролевых игр Аня Пархоменко обхватила обеими руками голову. Алиса побледнела. Алина покраснела. Алена закашлялась. А Диана подняла руку:

– Ирина Валерьевна, ах, Ирина Валерьевна, можно я буду помогать вам? Носить журнал, оставаться за старшую, присматривать за порядком?..

– Нет, – ответила новая классная.

– Ну, Ири-и-и-и… – заканючила подлиза.

– Нет! – повторила физичка.

И все поняли, что эра царствия Дианы завершилась.

Через месяц наступил «сезон любви»: приближался День святого Валентина, вскоре за которым ожидались 23 Февраля и 8 Марта.

– А знаешь, что обидно? – рассуждала Люба, шедшая из школы вместе с Боэмундом. – Что 8 Марта позже Дня защитника Отечества. И поэтому выходит так, будто парни как бы возвращают нам подарки и внимание. Вот не знаю, как у вас, а в старой школе мне все время поздравления доставались именно от тех, кому я дарила подарки 23-го. А если б женский день был первым, мы бы знали, кто из мальчиков действительно нас выбрал!

– Все эти вопросы мне неинтересны, – буркнула Пархоменко. – Пустая суета… Вот я вчера стал рыцарем! Меня моя сеньора посвятила! Представляешь?

– Стал?

– Ну конечно же, не «стала», ясен перец! Я же Боэмунд! И кстати! Всех предупреждаю: 23 Февраля я жду подарков! А вот с 8 Марта поздравлять меня не надо.

– Ох… Ну ты даешь! – вздохнула Люба.

– Все в порядке! Кстати, ты не хочешь быть моим вилланом? Или сервом?

– Кем?

– Игра у нас в апреле. Я же дворянин, и мне нужно поместье. А какое же поместье без крестьян? Ну, в смысле, крепостных. Они так назывались в старой Западной Европе – вилланы или сервы…

– Ну уж нет, – сказала Люба. – Что-то мне не хочется. Спасибо. Ты вот лучше мне скажи: кого с Днем святого Валентина будешь поздравлять? Уже ведь завтра. Ты записки написала?

– Если ты не хочешь быть крепостным, то можно взять тебя слугой. У нас уже полно дворян, хотим устроить пир во славу герцога, а кто нам будет блюда подавать?.. Ну, Любка, соглашайся! Оторвешься от реальности…

– Да ну тебя! Как думаешь, а если я девчонкам напишу каким-нибудь… так просто, поздравления с пожеланиями любви… Нормально будет? Вы так делаете, те, кто не влюблен? Ведь как-то скучно, если никому не написать совсем-совсем? А?

– Эх, уговорила! Будь моим оруженосцем!

– Что, – сказала Люба, примирившись с тем, что говорить о романтических делах с соседкой невозможно, – хочешь, чтобы я таскала за тобой твой жуткий меч? Да в нем, наверно, целый пуд! И кстати, где он?

Утром Аня-Боэмунд явилась в класс с огромнейшим железным «ковырялом»: видимо, затем, чтобы похвастаться своим дворянским званием и на перемене дружески сразиться с Готфридом Бульйонским из 10-го «А». Но Ирина Валерьевна, увидев грозное оружие, ужасно раскричалась и, так как времени сбегать обратно домой, положить меч и вернуться у Ани уже не было, велела оставить его в раздевалке. Новоявленному рыцарю ничего не оставалось, кроме как подчиниться «злобной сарацинке». И вот теперь меч оказался забыт. Пришлось возвращаться за ним. Люба и Аня повернули назад к школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.